

и страдалецѣхъ соловецкихъ“, въ четвертой указываетъ характеристическія особенности этихъ сочиненій и значеніе ихъ въ раскольнической литературѣ.

„Сочиненіе отличается стройностью плана: историческія произведенія Семена Денисова изучены съ достаточною тщательностью и по возможности провѣрены и опровергнуты, гдѣ требовалось, на основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ; сужденіе объ нихъ и объ ихъ характерѣ дано правильное. Сочиненіе хорошее“.

32) Отзывъ доцента А. Бѣляева о сочиненіи *Тихона Сильковскаго* на тему: „Изложеніе и разборъ протестантскаго ученія о невидимой церкви“:

„Сочиненіе г. Сильковскаго раздѣляется на четыре главы и предваряется введеніемъ. Во введеніи, кромѣ предварительныхъ свѣдѣній о предметѣ и задачахъ своего труда, авторъ излагаетъ зачатки ученія о невидимой церкви у предшественниковъ реформации. Первая глава содержитъ изложеніе ученія о невидимой церкви Лютера и Меланхтона; вторая — ученіе о томъ же предметѣ ортодоксальныхъ протестантскихъ богослововъ XVII вѣка — Хемниція, Гуттера и Герарда — и новѣйшихъ протестантскихъ богослововъ, примыкающихъ къ тремъ направленіямъ въ ученіи о церкви: строго-протестантскому, новолютеранскому и среднему между этими двумя крайностями; въ третьей главѣ обобщается разнообразное содержаніе двухъ первыхъ главъ и, въ видѣ перехода къ критической части, излагается православное ученіе о сущности и свойствахъ церкви; четвертая глава представляетъ разборъ протестантскаго ученія о невидимой церкви. Какъ при изложеніи, такъ и при разборѣ протестантскаго ученія о невидимой церкви г. Сильковский указываетъ на зависимость этого ученія отъ основнаго начала протестантизма — ученія объ оправданіи человѣка одною вѣрою, а потому излагаетъ и это послѣднее ученіе.“

„Изъ сказаннаго видно, что сочиненіе г. Сильковскаго собственно распадается на двѣ половины: въ первой излагается протестантское ученіе о невидимой церкви въ разныхъ направленіяхъ и отѣнкахъ его; во второй оно подвергается разбору съ православной точки зрѣнія. По его словамъ, „первой его задачей было — прослѣдить неустойчивость во взглядѣ на сущность церкви у реформаторовъ — Лютера и Меланхтона и представить нѣкоторыя черты изъ исторіи ученія объ этомъ предметѣ въ позднѣйшемъ протестантскомъ богословіи“ (42 стр.). Справедливо заявляетъ онъ, что эта половина его сочиненія не менѣе важна, чѣмъ самыя раз-

борь ученія о невидимой церкви. Дѣйствительно, разнообразіе отбѣнокъ въ ученіи о невидимой церкви въ различныхъ богословскихъ школахъ, при чемъ у нѣкоторыхъ богослововъ остается почти только одна тѣнь этого ученія, а главное — неустойчивость его у самихъ главъ протестантизма — Лютера и Меланхтона — уже сами по себѣ изобличаютъ несостоятельность его и особенно той крайности его, до которой оно доведено у такъ называемыхъ протестантовъ — спиритуалистовъ. Трудность выполненія задачи первой половины сочиненія лежитъ не только въ томъ, что нужно было много читать, — болѣею частію первоисточники, — но еще и въ томъ, что при разнообразіи отбѣнокъ и неустойчивости протестантскаго ученія о невидимой церкви трудно было уловить его сущность и представить въ истинномъ свѣтѣ. Всего труднѣе было изложить ученіе самого Лютера о невидимой церкви, такъ какъ именно у него оно не отличается опредѣленностью, было не одинаково въ разные періоды его дѣятельности, и при томъ отрывками разбросано въ многочисленныхъ его сочиненіяхъ. Этимъ объясняется, а вмѣстѣ и извиняется то, что въ сочиненіи не мало повтореній, которыхъ не легко было избѣгать, не рискуя властью въ неточности. Не поставляя въ вину автору этого, чисто формальнаго, недостатка, можемъ признать эту, болѣзную, труднѣйшую и важнѣйшую часть его сочиненія написанной съ научной добросовѣстностію.

„Сравнительно легче было справиться съ критическою частью труда, потому что готовое оружіе противъ ученія о невидимой церкви можно было взять частію у самихъ-же протестантовъ изъ числа несочувствующихъ этому ученію, частію у русскихъ догматистовъ и полемистовъ; оставалось только разобраться въ матеріалъ и привести его въ систему.

„Сочиненіе вполне достаточно для степени кандидата богословія и заслуживаетъ высшаго балла“.

33) Отзывъ доцента А. Шостына о сочиненіи *Александра Смирнова* на тему: „Педагогическія воззрѣнія графа Л. Толстаго предъ судомъ евангельской истины“:

„Во введеніи (стр. 1—17) авторъ дѣлаетъ прежде всего нѣсколько общихъ замѣчаній объ отношеніи педагогической дѣятельности и педагогическихъ воззрѣній гр. Толстаго къ его художественной дѣятельности и религіозно-философскимъ воззрѣніямъ, а затѣмъ излагаетъ планъ своего изслѣдованія. По этому плану все изслѣдованіе распадается на двѣ главныя части: *первую* (стр.

25—119) составляетъ „точное и по возможности обстоятельное изложеніе педагогическихъ взглядовъ гр. Толстаго“, *вторую* (стр. 120—240)—„критическое разсмотрѣніе ихъ. Каждая изъ этихъ двухъ частей заключаетъ въ себѣ по три главы. Въ 1 гл. первой части излагаются мысли гр. Толстаго по вопросамъ о правѣ воспитанія и критеріи его; въ гл. 2 — сужденія его о совершенствѣ дѣтской природы и о различныхъ цѣляхъ воспитанія; наконецъ въ гл. 3 излагаются мысли Толстаго о необходимости замѣнить воспитаніе образованіемъ и объ основномъ критеріи послѣдняго — безусловной свободѣ учащихся. Разборъ и обсужденіе изложенныхъ въ этихъ трехъ главахъ воззрѣній гр. Толстаго составляетъ содержаніе соответствующихъ трехъ главъ второй части изслѣдованія.

„Отдавая справедливость автору, слѣдуетъ признать, что онъ очень внимательно изучилъ педагогическія воззрѣнія гр. Толстаго насколько они выражены не только въ спеціально-педагогическихъ статьяхъ, но и въ ~~другихъ~~ художественно-литературныхъ его произведеніяхъ. Самое изложеніе этихъ воззрѣній отличается точностью и объективно-научнымъ безпристрастіемъ. Столь же тщательно составлена и критическая часть изслѣдованія. Центромъ тяжести всей этой части является разборъ сужденій графа Толстаго о совершенствѣ дѣтской природы и оцѣнка этихъ сужденій съ точки зрѣнія христіанскаго догмата о первородномъ грѣхѣ. Авторъ не ошибся, сосредоточивъ ~~въ этомъ~~ основномъ пунктѣ главную силу своей критики. По сему слѣдовало бы и въ самомъ изложеніи педагогическихъ воззрѣній гр. Толстаго выставить это ученіе его о совершенствѣ дѣтской природы именно какъ основой и исходный пунктъ для всѣхъ другихъ его положеній. Тогда, конечно, планъ сочиненія долженъ былъ бы значительно измѣниться и выигралъ бы въ систематичности и стройности. Этотъ лучший планъ своевременно былъ предложенъ г. Смирнову, но онъ, вѣроятно, влѣдствіе нѣкоторыхъ трудностей его, предпочелъ держаться своего плана, произвольно избраннаго и ни на чемъ не основаннаго. Отъ этого въ сочиненіи его существенное и принципиальное стоитъ на ряду съ второстепенными частностями; отъ этого-же получилось множество повтореній, совѣтъ не нужныхъ. Точно также нельзя одобрить манеры автора цитовать первоисточники, когда дѣлаются заимствованія изъ вторыхъ рукъ. Наконецъ, списывая даже буквально съ книги о. Велтистова: „Грѣхъ, его сущность и происхожденіе“, авторъ не соблаговолилъ обмолвиться

о ней ни единымъ словомъ. Впрочемъ, это списываніе безъ цитатъ ограничивается лишь двумя-тремя страницами (161—164) и не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы признать трудъ г. Смирнова достаточнымъ для кандидатской степени“.

34) Отзывъ экстраординарнаго профессора П. Цвѣткова о сочиненіи *Алексѣя Смирнова* на тему: „Отношеніе сочиненія св. Амвросія Медиоланскаго *De officiis ministrorum* къ сочиненію Цицерона *De officiis*“:

„Послѣ общаго замѣчанія, что въ IV вѣкѣ христіанство перестало отрицательно относиться къ произведеніямъ языческой литературы, примѣромъ чего можетъ служить сочиненіе св. Амвросія Медиоланскаго *De officiis ministrorum* въ его отношеніи къ сочиненію Цицерона *De officiis*, дается литературная характеристика означенныхъ сочиненій. Затѣмъ авторъ показываетъ зависимость названнаго сочиненія св. Амвросія отъ сочиненія Цицерона какъ въ формальномъ отношеніи, именно въ планѣ и расположеніи мыслей (стр. 36 и слѣд.), такъ и въ транскрипціи, иногда почти буквальной, цѣлыхъ періодовъ изъ сочиненія Цицерона (стр. 39 и слѣд.). Но мысли Амвросія о нравственныхъ вопросахъ въ сочиненіи *De officiis ministrorum* рѣшительно отличаются отъ мыслей Цицерона въ *De officiis*. Авторъ показываетъ что римскій философъ основнымъ нравственнымъ началомъ признаетъ сообразность съ природою (стр. 59 и слѣд.) и человѣческимъ разумомъ (стр. 61 и слѣд.), между тѣмъ св. Амвросій, хотя выражается, что должно жить сообразно съ природою и что желанія не должны противостоятъ разуму, но основаніемъ нравственной дѣятельности человѣка признаетъ согласіе воли человѣка съ волею Божіею, отразившеюся въ природѣ и открытою въ Св. Писаніи (стр. 71 и слѣд.). Сходствуетъ въ выраженіяхъ и отличается въ сущности отъ Цицерона св. Амвросій и рассуждал о добродѣтели вообще, равно о четырехъ основныхъ добродѣтеляхъ въ частности: благоразуміи, справедливости, мужествѣ и умѣренности. Онъ опредѣляетъ ихъ иногда почти буквально сходно съ Цицерономъ, но отличается въ сущности св. Амвросій и въ ученіи объ обязанностяхъ (стр. 239 и слѣд.), въ частности — въ раздѣленіи обязанностей на совершенныя (*officia perfecta*) и среднія (*officia media*). Попутно авторъ проводитъ не мало параллелей между Цицерономъ и Амвросіемъ въ обсужденіи частныхъ ииическихъ вопросовъ, напр. вопроса о собственности (стр. 192 и сл.), о благотворительности (стр. 263 и слѣд.). Изъ всего этого оказывается, что ии-

ческія воззрѣнія Цицерона не заимствованы св. Амвросіемъ, но преобразованы съ христіанской точки зрѣнія.

„Отношеніе сочиненія св. Амвросія De officiis ministrorum къ сочиненію Цицерона De officiis представлено правильно. Авторъ не опускаетъ указывать, что св. Амвросій видѣлъ сходство своей ионки съ ионкою Цицерона и выводилъ это сходство изъ того, что самъ Цицеронъ почерпалъ свои лучшія нравственныя сужденія изъ тканей Ветхаго Заваѣта (стр. 193. 212; ср. стр. 241 и слѣд.). Изложеніе мыслей ясное. Недостаточное раскрытіе нѣкоторыхъ отдѣловъ и отсутствіе обобщеній не затемняетъ достоинствъ сочиненія г. Смирнова, очень обработаннаго и въ стилистическомъ отношеніи“.

35) Отзывъ доцента А. Шостына о сочиненіи *Сергія Соколова* на тему: „Церковно-приходская школа въ своей идеѣ и исторической дѣйствительности“:

„Задача г. Соколова заключалась въ томъ, чтобы во-первыхъ выяснитъ самую идею церковно-приходской школы, въ виду тѣхъ смутно-неопредѣленныхъ и положительно-неправильныхъ сужденій о ней, какія часто приходится встрѣчать въ нашей литературѣ, а во-вторыхъ — показать, насколько дѣйствительное положеніе этой школы соответствовало прежде и теперь соответствуетъ истинной ея идеѣ.

„Нельзя сказать, чтобы авторъ разсматриваемаго сочиненія выполнилъ указанную задачу вполне успѣшно. Второй половины своей темы онъ совсѣмъ не коснулся, а ограничился только первою, да и эту первую половину обследовалъ не такъ серьезно и тщательно, какъ было бы желательно.

„Сдѣлавъ въ краткомъ предисловіи (стр. 1—7) нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ объ отношеніи современной литературы къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ, онъ въ 1 главѣ (стр. 8—44) опредѣляетъ цѣль христіанскаго воспитанія и отсюда дѣлаетъ заключеніе о цѣли и характерѣ христіанской школы; далѣе, во 2 главѣ (стр. 45—178) выясняетъ цѣль и характеръ школы собственно русской, долженствующей соответствовать національнымъ особенностямъ и современнымъ нуждамъ русскаго народа; въ главѣ 3 (стр. 179—308) развиваетъ мысль, что такая, истинно-христіанская и вполне русская, народная школа должна быть вѣрена именно духовенству, при чемъ пускается въ излишне-длинные рассужденія объ историческихъ правахъ нашего духовенства на народную школу и о попыткахъ земства забрать школьное дѣло въ

свои руки; наконецъ, въ главѣ 4 (стр. 309—382) выражаетъ свои *pro desideria* относительно нашей народной школы и показываетъ несоответствіе нѣкоторыхъ учебныхъ книгъ истинному характеру христіански-русской школы.

„Какъ видимъ, сочиненіе г. Соколова не отличается стройностію плана и единствомъ мысли. На многихъ страницахъ его идутъ разсужденія *по поводу* церковно-приходской школы, но не о самой школѣ. Кромѣ того, очень нерѣдко авторъ оставляетъ объективно-научный способъ изложенія предмета и впадаетъ въ неумѣстный тонъ фельетонной публицистики. Вооружаясь напр. противъ идеи народнаго театра, онъ такъ восклицаетъ на стр. 108: „церковь, церковь — вотъ гдѣ народный театр!“ — очевидно не соображая всей нелѣпости своего пылкаго воззванія. Онъ забылъ о томъ, что сами радѣтели народнаго театра противопоставляютъ его отнюдь не церкви, а увеселительнымъ заведеніямъ низшей пробы, гдѣ народъ нашъ проводитъ обыкновенно праздничное время по выходѣ изъ церкви; не подумалъ и о томъ, что выставлять церковь (храмъ) для замѣны увеселительныхъ народныхъ учрежденій — по меньшей мѣрѣ — легкомысленно, чтобы не сказать больше. Въ другихъ мѣстахъ также встрѣчаются неудобныя выраженія, въ родѣ слѣдующаго: „дѣятели церкви должны играть первенствующую роль“ въ школѣ (стр. 180). Наконецъ, нѣкоторыя страницы оставляютъ впечатлѣніе непримиримаго внутренняго противорѣчія: не смотря на всѣ увѣренія автора, что противорѣчія въ нихъ нѣтъ (таковы именно стр. 112. 155—157. 159—160).

„Однако-жъ справедливость требуетъ, чтобы, при всѣхъ недостаткахъ въ сочиненіи г. Соколова, былъ принятъ во вниманіе и тотъ немалый трудъ, какой требовался отъ него для ознакомленія съ громадной массой предлежаваемаго ему неупорядоченнаго матеріала. Множество статей въ журналахъ и газетахъ, такое же множество отчетовъ о состояніи различныхъ школъ, — все это ему пришлось перечитать и обдумать, привести хотя въ нѣкоторый порядокъ и отчасти подвергнуть оцѣнкѣ. Въ виду этого-то, полагаю, можно признать трудъ г. Соколова достаточнымъ для кандидатской степени“.

36) Отзывъ доцента М. Муретова о сочиненіи *Василія Соловьева* на тему: „Первое соборное посланіе св. Ап. Петра (введеніе и объясненіе)“:

„Сочиненіе состоитъ изъ двухъ обширныхъ частей: исторической и экзегетической. Первая часть предваряется обстоятельно

и умно составленнымъ изображеніемъ отличительныхъ особенностей духовной природы св. Ап. Петра въ ликѣ другихъ апостоловъ, по свидѣтельствамъ Поваго Завѣта и церковнаго преданія (стр. I—СII). Затѣмъ слѣдуютъ отдѣлы или главы: а) объ основаніи мало-азійскихъ церквей, къ которымъ написано посланіе, и объ участіи въ семь дѣлъ св. Ап. Петра (стр. I—48); б) кто были первые и непосредственные читатели посланія — хрістіане изъ іудеевъ или изъ язычниковъ? (стр. 48—80); г) внѣшнее и внутреннее состояніе читателей, поводъ и цѣль написанія посланія (стр. 81—125); д) мѣсто написанія посланія (Вавилонъ египетскій, — стр. 126—156); е) время написанія (стр. 157—221); ж) подлинность посланія, удостовѣряемая внѣшними свидѣтельствами хрістіанской древности и внутренними признаками самого посланія по сравненію ихъ съ особенностями личности св. Ап. Петра (стр. 222—314). Вторая часть представляетъ подробный и всесторонній комментарий посланія, раздѣленный авторомъ на слѣдующія главы: а) вступленіе (1 гл. 1—12 ст.; стр. 321—447); б) спасеніе, даруемое человѣку Христомъ, въ отношеніи къ ветхозавѣтнымъ пророчествамъ (1, 10—12; стр. 448—480); г) первая группа нравственно-практическихъ увѣщаній (1, 13—2, 10; стр. 481—602); д) вторая группа нравственно-практическихъ увѣщаній (2, 11—4, 11; стр. 603—630); е) все сочиненіе оканчивается отдѣльнымъ и обстоятельнымъ богословско-экзегетическимъ трактатомъ о сошествіи Христа въ адъ, хрістіанскомъ крещеніи и вознесеніи Господа на небо (3, 16—22 и 4, 5—6; стр. 630—716).

„Для составленія труда авторъ трудолюбиво изучалъ и дѣльно пользовался не только всеми лучшими повѣйшими пособіями какъ обще-экзегетическими, такъ и специальными-филологическими и догматическими, но и, что заслуживаетъ особенной похвалы, обнаруживаетъ широкое знакомство съ древними догматико-экзегетическими трудами: св. Златоуста (параллельныя мѣста въ бесѣдахъ на евангеліе отъ Іоанна и на посланіе къ Евреямъ), св. Аонасія Александрійскаго, св. Кирилла Александрійскаго, Климента Александрійскаго (*adumbrationes in primam epistolam Petri*), Дидима Александрійскаго (*enarrationes in 1 P.*), Августина, Икуменія, Теофилакта, Евѳимія Зигабина и другихъ по катехамъ Крамера и по *Sanctae Scripturae cursus completus* Мяня. Въ особую похвалу автору слѣдуетъ вмѣнить также и то, что онъ, гдѣ надо, умѣло пользуется церковно-богослужебными книгами и св. Димитріемъ Ростовскимъ. Жаль, что авторъ скупится на буквальные

выдержки изъ толкованія Преосв. Гавріила: если бы авторъ даже весь цѣликомъ процитовалъ этотъ старинный, но превосходно написанный Комментарій, то отъ этого не было бы ничего, кромѣ хорошаго. Изложеніе простое и ясное, но въ литературномъ отношеніи недовольно обработанное и, особенно въ исагогической части сочиненія, неумѣренно растянутае. Впрочемъ, по своимъ научнымъ достоинствамъ, сочиненіе вполне заслуживаетъ кандидатской степени и даже съ похвалою автору“.

37) Отзывъ и. д. доцента А. Введенскаго о сочиненіи *Николая Соловьева* на тему: „Теодицея Лейбница“:

„Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ трудолюбіе и достаточное знакомство съ предметомъ. Планъ ясный. Изложеніе объективно, но по мѣстамъ страдаетъ отсутствіемъ внутренней связности и вообще выполнено скорѣе по способу внѣшнихъ спаекъ отрывочныхъ извлеченій изъ Лейбница, чѣмъ путемъ внутренней переработки и органическаго воспроизведенія его идей. Критическія замѣчанія въ общемъ правильны, но не глубоки. Съ приговоромъ автора относительно пантеизма Лейбница согласиться нельзя: онъ высказанъ съ такою рѣшительностью, на которую не уполномочиваетъ не только его мотивировка въ сочиненіи, но и существо дѣла. Въ похвалу автору слѣдуетъ поставить стремленіе оцѣнить идеи Лейбница съ точки зрѣнія „христіанской теодицеи и христіанскаго оптимизма“. Главный недостатокъ сочиненія составляютъ стилистическія неправильности, довольно нерѣдкія и иногда совѣмъ неизвинительныя (стр. 28, 81, 91, 96, 159 и др.).

„Для полученія степени кандидата богословія сочиненіе удовлетворительно“.

38) Отзывъ ординарнаго профессора Е. Голубинскаго о сочиненіи *Евгенія Стояновскаго* на тему: „Постановленія Стоглаваго собора относительно церковнаго управленія и церковнаго суда“:

„Сочиненіе г. Стояновскаго состоитъ изъ двухъ главъ, та и другая изъ которыхъ подраздѣляется на два отдѣла: посвящая одну главу управленію, а другую суду, въ первыхъ отдѣлахъ главъ онъ говоритъ о состояніи у насъ управленія и суда до Стоглаваго собора, а во вторыхъ отдѣлахъ о постановленіяхъ собора относительно того и другаго. Нельзя сказать, чтобы предметъ былъ изученъ авторомъ слишкомъ обстоятельно и чтобы онъ овладѣлъ имъ до полной во всемъ отчетливости; но приложенное къ изученію стараніе безспорнымъ образомъ видно и достигнутая степень изученія при нѣкоторомъ снисхожденіи можетъ быть признана

удовлетворительно. Вообще сочиненіе должно быть отнесено къ числу хорошихъ“.

39) Отзывъ доцента М. Муретова о сочиненіи *Михаила Гартвега* на тему: „Искушеніе Господа отъ діавола въ пустынь въ связи со всею земною жизнію Христа какъ единымъ искупительнымъ подвигомъ Богочеловѣка“:

„Разсужденіе начинается *введеніемъ*, гдѣ цѣль и задачу труда своего авторъ ставитъ „въ изслѣдованіи и философскомъ (т. е. догматико-богословскомъ) изъясненіи внутренняго смысла историческаго богочеловѣческаго факта“ (2 стр.), каковое изслѣдованіе онъ предваряетъ краткимъ очеркомъ древне-отеческаго ученія объ искупительномъ подвигѣ Христа, какъ побѣдѣ надъ духомъ зла не только внѣшней, но и внутренней, т. е. не только надъ діаволомъ, какъ первовиновникомъ грѣха, но и надъ самимъ грѣхомъ человѣческимъ, какъ духомъ зла субъективнымъ, почему и Искупителемъ могъ быть только истинный человѣкъ и истинный Богъ, или — истинный Богочеловѣкъ; сюда же авторъ присоединяетъ изложеніе неправомысленнаго ученія *Θεοδора Μονευστεσкаго*, что Христосъ воспріялъ грѣховную природу человѣческую и искушаемъ былъ внутренними грѣховными стремленіями своей человѣческой природы; наконецъ, кратко излагаетъ различныя теоріи искупленія позднѣйшихъ западныхъ догматистовъ. Принимая во вниманіе, что исторіи догмата о лицѣ *I. Христа*, съ коимъ (догматомъ) въ тѣсной связи стоитъ и догматъ искупленія, авторъ посвящаетъ цѣлыхъ двѣ главы второй части разсужденія (стр. 449 и дал.), одну изъ этихъ трактаций должно признать *мшиною*, т. е. надо бы соединить ихъ въ одну.

„Приступая затѣмъ къ подробному изложенію содержанія сочиненія, мы принуждены напередъ оговориться, что вслѣдствіе ниже (въ концѣ отзыва) указанныхъ особенностей разсматриваемой работы мы во многихъ случаяхъ не имѣемъ возможности сосредоточенно формулировать общія темы главъ и отдѣловъ разсужденія и съ отчетливою раздѣльностью сгруппировать частныя доказательства или частныя стороны общихъ положеній. Поэтому мы должны удовольствоваться: во 1-хъ, не довольно сосредоточенными оглавленіями ихъ въ конспективномъ обзорѣ первой части, составленномъ самимъ авторомъ и приложенномъ къ сочиненію, и во 2-хъ, указаніемъ только самыхъ общихъ мыслей въ наиболѣе важныхъ трактацияхъ, при чемъ эти мысли нерѣдко остаются у

автора общими тезисами безъ всесторонняго и пунктуально-отчетливаго раскрытія.

Первая часть, называемая авторомъ *религіозно-психологическою*, носитъ такое заглавіе: „смыслъ и всемірно-историческое значеніе побѣды Сына Божія надъ искушеніями отъ злаго духа“, — заглавіе, подъ которое можетъ подойти и вторая часть сочиненія и даже третья, т. е. вообще вся тема сочиненія. Эта часть состоитъ изъ пяти главъ:

Первая, по конспекту автора, „изображаетъ состояніе естественнаго человѣка (котораго пришелъ искупить Христосъ чрезъ побѣду надъ искушеніями отъ злаго духа), какъ состояніе непрерывной искушаемости зломъ и страданіемъ жизни, и его грѣха какъ свободнаго настроенія-самооправданія и богообвиненія, — указываетъ *психологическое* начало протеста естественнаго человѣка, исходный пунктъ его *свободныхъ* религіозныхъ отношеній къ Богу“. Человѣкъ созданъ былъ для того, чтобы постепенно осуществлять и утверждать въ себѣ образъ Божій, творить на землѣ правду Божію, путемъ постепеннаго самоусовершенствованія достигать тѣснѣйшаго единенія съ Божествомъ и совершеннѣйшаго блаженства вѣчной жини. *Обожествленіе* (точнѣе: вѣчность блаженства и прославленіе) было поставлено идеаломъ, къ коему человѣку надлежало стремиться и который подобало осуществлять путемъ согласованія своей воли и своей правды съ божественною волею и божественною правдою. Въ этомъ состояло искушеніе первозданнаго человѣка, которымъ и воспользовался злой духъ, т. е. естественная воля человѣка вождельвала того, чѣмъ быть ему назначено Творцемъ, а между тѣмъ полное удовлетвореніе этого вождельнія было поставлено въ безконечной дали отъ человѣка, какъ идеаль его вѣчнаго и безконечнаго самоусовершенствованія (сначала на землѣ; потомъ въ вѣчной жизни), долженствовавшаго состоять въ постоянномъ и постепенномъ самоограниченіи человѣкомъ своихъ стремленій къ божественному идеалу, въ постоянномъ подчиненіи своей воли и правды Волѣ и Правдѣ Творца. Но человѣкъ не побѣдилъ этого искушенія, онъ пожелалъ быть яко *богъ* путемъ утвержденія своей самоправды и преступленія правды Божіей (заповѣди), т. е. восхотѣлъ творить свою правду и быть самобогомъ, а не послушнымъ образомъ и сыномъ Бога. Отсюда — грѣхъ человѣческій, какъ самоправа, и его слѣдствія — удаленіе отъ Божества, какъ источника жизни и блаженства, т. е. смерть и непрерывныя страданія человѣка. Но какъ

грѣхъ не истребилъ въ человѣкѣ образъ Божій, а только потемпиль, не отторгъ человѣка отъ Бога, а только отдалилъ, и своимъ оброкомъ пмѣлъ не *уничтоженіе* человѣка, а только *смерть*: то въ **этомъ** заключалась возможность спасенія человѣка и его возстановленія, т. е. основаніе исторіи божественнаго домоостроительства о спасеніи человѣчества воплотившимся Сыномъ Божиимъ. Нося въ себѣ хотя и потемнѣнное грѣховною ложью сознание своего предназначенія къ вѣчному блаженству правды и добра, а между тѣмъ встрѣчая повсюду смерть, страданія, зло и ложь, — человѣкъ подпадаетъ грѣху самооправданія и богообвиненія. Ощущая свою зависимость отъ внѣшней силы, вызвавшей его къ бытію и блаженству, а между тѣмъ умирая и страдая, человѣкъ считаетъ виновникомъ зла и страданій не себя самого, но Бога, — становится врагомъ Божиимъ. Въ этомъ сознаніи естественнаго человѣка авторъ видитъ „психологическое начало протеста естественнаго человѣка, исходный пунктъ его свободныхъ религіозныхъ отношеній къ Богу“.

„*Вторая* глава, по конспекту самого автора, „выясняетъ власть надъ естественнымъ человѣкомъ злаго духа съ ея послѣдствіями какъ *метафизическое* разъединеніе Сына Божія и человѣчества, какъ внѣшнее отношеніе Сына Божія и человѣчества, и намѣчаетъ спасеніе (съ этой же метафизической точки зрѣнія) какъ воссоединеніе Сына Божія и человѣка (хотя и чрезъ сознательную побѣду человѣка надъ злымъ духомъ)“. Подъ этимъ, для меня не яснымъ, оглавленіемъ содержатся тѣ-же мысли, что и въ предшествующей главѣ, именно: искушеніе перваго человѣка, состоявшее въ идеальномъ противорѣчій между его назначеніемъ *быть богомъ* (sic) и его ограниченностью, назначеніемъ служить только орудіемъ воплощенія Божества, имѣть Божество для себя только идеаломъ, безконечно его превосходящимъ, — кончилось тѣмъ, что человѣкъ не побѣдилъ искушенія, но самъ былъ побѣжденъ и пожелалъ быть богомъ въ своей данной исключительности, — идеальное противорѣчіе стало для него реальнымъ, — Божество дѣйствительно отдалилось отъ него и онъ отпалъ отъ Бога; это противорѣчіе стало для него источникомъ постоянныхъ искушеній, теперь уже необходимо побѣждавшихъ его и приводившихъ къ самооправданію и богообвиненію: злой духъ овладѣлъ человѣкомъ посредствомъ этого искушенія и отъ правды Божіей уклонилъ въ свою сатанинскую лжеправду; **но въ** человѣкѣ все таки остался образъ Божій, хотя и обезсиленный дѣйствіемъ злаго духа; Ло-

гошь и теперь продолжалъ свою дѣйственность, хотя и вѣшне, по отношенію къ человѣку. Очевидно, эти мысли ничѣмъ *существенно* не отличаются отъ содержанія первой главы и причину такого страннаго удвоенія надо искать въ искусственномъ раздѣленіи метафизической и психологической точекъ зрѣнія на такіе предметы, какъ религія, религіозное сознаніе, искушеніе, грѣхъ и проч.

„Если первая половина второй главы, предполагается, и содержится въ первой главѣ, то вторая половина представляетъ въ сущности не иное что, какъ конспективный обзоръ слѣдующей *третьей* главы, содержащей въ себѣ изложеніе исторіи дохристіанскаго религіознаго процесса съ точки зрѣнія искушеній человѣчества зломъ и борьбы съ ними, — такимъ образомъ содержаніе всей главы теряется въ сосѣднихъ главахъ и она не имѣетъ логическихъ правъ на самостоятельное бытіе.

„Конспективно начертанная во второй половинѣ второй главы исторія дохристіанскаго религіознаго процесса, въ *третьей* главѣ раскрывается подробно путемъ общей характеристики и частнаго анализа дохристіанскихъ религій: начинаясь богообвиненіемъ и самооправданіемъ, т. е. представленіемъ о злѣ и страданіяхъ какъ вѣшней по отношенію къ человѣку и отъ его воли не зависящей силѣ, — религіозно-нравственное сознаніе человѣчества постепенно переходитъ къ самообвиненію и богосознанію. Человѣчество сознаетъ, что виновникъ зла не Богъ, а самъ человѣкъ, — что источникъ зла не вѣь человѣка, но въ немъ самомъ, въ его грѣхѣ и его свободной, но злой, волѣ. Это — отрицательная сторона дохристіанскаго религіознаго процесса (самообвиненіе человѣка). Другая, положительная сторона состоитъ въ томъ, что съ постепенною ясностію человѣкъ сознаетъ въ себѣ образъ Божій, какъ противоположное злу и страданіямъ начало вѣчнаго блаженства и совершеннѣйшей правды; отсюда возникаетъ въ немъ стремленіе къ избавленію отъ своей лжеправды и къ единенію съ Божествомъ, своимъ первообразомъ (Богосознаніе въ человѣкѣ). Такимъ образомъ глава посвящена дохристіанской исторіи божественнаго домостроительства о спасеніи людей и раскрываетъ постепенное приготовленіе рода человѣческаго къ принятію Искушителя-Богочеловѣка. При составленіи очерка авторъ много потрудился надъ изученіемъ памятниковъ дохристіанскихъ религій. Общая постановка дѣла, классификація религій, ихъ характеристика и историко-логическая послѣдовательность — все это ясно и соотвѣтствуетъ

общей темѣ разсужденія. Можно замѣтить только, что неумѣренное обиліе длинныхъ выдержекъ изъ источниковъ (явленіе, совершенно понятное и извинительное для автора, много читавшаго по этому вопросу) вредитъ цѣльности очерка, вынуждая читателя напряженно помнить раскрываемую авторомъ мысль и ждать или даже самому отыскивать въ этихъ выдержкахъ начало новой мысли. Дабы вниманіе читателя не разсеивалось этими многочисленными и длинными цитатами, автору слѣдовало бы большинство ихъ вынести въ примѣчанія, оставивъ только тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе сильно и выпукло раскрываютъ главныя мысли. Никакого ущерба учености автора отъ этого не послѣдовало бы, а между тѣмъ очеркъ много выигралъ бы въ цѣлостности, отчетливости и стройности.

„При чтеніи вышеизложенныхъ главъ невольно замѣчается отсутствіе подробнаго обслѣдованія двухъ существенно важныхъ для темы вопросовъ: во 1-хъ, какимъ образомъ невинные прародители, находясь въ общеніи съ Божествомъ, обладая свойственнымъ ихъ состоянію блаженствомъ и не затемнѣннымъ еще грѣхомъ нравственно-религіознымъ сознаніемъ, — могли быть увлечены искусительнымъ внушеніемъ злаго духа, что отверзутся очи ихъ и они будутъ яко божи, вѣдаяще доброе и лукавое, — и при томъ съ помощію чисто внѣшняго для нихъ средства — вкушенія отъ запретнаго плода съ одной стороны и прямого нарушенія положительно и ясно выраженной воли своего Творца съ другой? — во 2-хъ, почему искушеніе человѣка воплотившимся Сыномъ Божиимъ требовало продолжительной исторіи дохристіанскаго домостроительства Божія, и въ какомъ отношеніи человѣчество эпохи Новаго Завѣта было болѣе подготовлено къ принятію Искупителя-Богочеловѣка, чѣмъ прародители вслѣдъ за изгнаніемъ ихъ изъ рая, когда они обладали яснымъ сознаніемъ утраченнаго блаженства и условій этого блаженства? Въ иностранныхъ догматическихъ трактатіяхъ философско-пантеистическаго направленія игнорированіе этихъ вопросовъ совершенно понятно, такъ какъ грѣхъ въ нихъ признается необходимою ступенію въ развитіи религіознаго сознанія человѣчества; и невинное состояніе прародителей считается въ религіозно-нравственномъ отношеніи низшимъ сравнительно съ позднѣйшимъ состояніемъ ихъ подѣ грѣхомъ. Напротивъ, при строго теистическомъ воззрѣніи автора на грѣхъ, какъ на свободное нарушеніе человѣкомъ воли Творца и самовольное противорѣчіе Божественной Правдѣ, вышеуказанные вопросы должны

имѣть существенно-необходимое значеніе для всесторонняго изясненія искупительнаго подвига искушеній Богочеловѣка.

«Четвертая глава, по конспекту автора, „подробно излагаетъ догматико-метафизическое значеніе побѣды Христа надъ искушеніями отъ злаго духа, какъ возстановленіе союза Бога съ человекомъ, — представляетъ полный очеркъ искупительнаго служенія Христа съ точки зрѣнія Его борьбы и побѣды надъ искушеніями“, говоря проще: авторъ излагаетъ здѣсь общепризнанныя и общеизвѣстныя догматическія истины объ искупительномъ значеніи страданій Христа, доказывая и раскрывая эти истины мѣстами изъ Свящ. Писанія. Но для чего повадилась автору особая глава, какое существенно-ближайшее значеніе имѣетъ она для темы и какой смыслъ — въ планѣ сочиненія, для меня осталось это не довольно яснымъ. Если авторъ выдѣлялъ предметъ въ особую главу только потому, что трактуеть о немъ *подробно*, то въ сочиненіяхъ подобнаго рода на первомъ мѣстѣ должна стоять *ясность* и *стройность* раскрытія предмета, независимо отъ вѣщнаго объема, т. е. постановка главъ здѣсь должна опредѣляться одними только логическими мотивами. Если же авторъ отдѣляетъ эту главу отъ слѣдующей, руководствуясь не содержаниемъ, а различіемъ точекъ зрѣнія зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ (*догматико-метафизической* въ отличіе отъ *историко-психологической*), то мы должны повторить здѣсь замѣчаніе, сдѣланное нами относительно первой и второй главъ. Излагая въ отдѣльной главѣ дѣйствительно общезвѣстныя догматическія истины, авторъ однако-же не уясняетъ ближе, для меня мало понятнаго, *значенія въ постановкѣ главъ* догматико-метафизической и историко-психологической точекъ зрѣнія на такой предметъ, какъ личность Богочеловѣка, Его искушеніе и евангельская исторія. Если подъ первую разумѣть ученіе Апостоловъ, свв. Отцовъ и вселенскихъ соборовъ, а подъ вторую — евангельскую исторію, то мы должны замѣтить, что это ученіе есть не иное что, какъ православно-кафолическое пониманіе Боговоплощенія и Богочеловѣческаго Лица Искупителя, т. е. евангелія. Если же подъ первую разумѣть *то, что должно было быть*, а подъ вторую — *что дѣйствительно было*, то на это замѣтимъ: Богочеловѣкъ-Искушитель и евангеліе — не идея только, но и дѣйствительность, а потому *должно* здѣсь существенно не отдѣлимо отъ *есть*. Вотъ почему при частномъ анализѣ искушеній Господа необходимымъ оказывается (и самъ авторъ это дѣлаетъ) раскрыть не только то, какъ они (искушенія) происходили,

какой смысл и значеніе имѣли, но и то, что такъ и должно было быть и иначе быть не могло. Вышнее право на свое бытіе ~~эта~~ глава имѣла бы въ томъ случаѣ, если бы авторъ соединилъ ее со второю частью своего сочиненія, т. е. кратко раскрылъ бы православно-логматическое ученіе о Богочеловѣчествѣ Искушители и отношеніи въ Немъ божескаго и человѣческаго естествъ, такимъ образомъ предъуготовалъ бы читателей къ пониманію слѣдующей главы, посвященной частному раскрытію искупительнаго подвига искушеній Богочеловѣка. Но и тогда этой трактации лучше стоять въ началѣ слѣдующей главы, чѣмъ составлять отдѣльную главу.

„Пятая глава, по конспекту автора, „раскрываетъ историко-психологическое совершеніе побѣды Христомъ надъ искушеніями отъ злаго духа во всей искупительной жизни и представляетъ философію исторіи искушеній Христа“. Уже употребляя терминъ „философія“, авторъ такимъ образомъ самъ же свидѣтельствуетъ противъ себя, что онъ не отчетливо представляетъ различіе этой „философской“ точки зрѣнія отъ „догматико-метафизической“ (предшествующая глава); съ несомнѣнностью доказывается это самымъ содержаніемъ главы. Показавъ въ началѣ главы отношеніе искушеній Господа отъ діавола въ пустынѣ (какъ страданій идеально-духовныхъ и какъ идеальной побѣды надъ ними человѣческой воли Христовой въ смыслъ рѣшимости на искупительный подвигъ) ко всей земной жизни Господа (какъ реально-жизненной побѣды надъ духомъ зла и дѣйствительнаго совершенія добровольно принятаго подвига искушеній) и кратко указавъ сущность искушеній Христа (какъ собственно богочеловѣческихъ и относившихся къ богосыновству Христа) и искупительное ихъ значеніе (какъ утвержденіе богосыновства въ условіяхъ жизни человѣческой, т. е. какъ примиреніе требовавшей нормально безгрѣшной природы человѣческой и ея воли съ требованіями божескаго естества, божественной воли и божественной правды о человѣкѣ), авторъ обращается затѣмъ (очевидно все предшествующее есть краткое повтореніе четвертой главы) къ частному анализу трехъ искушеній Господа, поставляя каждое въ тѣсную связь со всею земною жизнью Христа. Внутренними моментами *перваго искушенія* были: 1) безгрѣшное само по себѣ, совершенно естественное и не противорѣчающее божеской правдѣ стремленіе человѣка (пока оно не переходитъ въ самовольное нарушеніе божественной воли) къ блаженству не только по духу, но и по тѣлу, — желаніе освободиться отъ физически-матеріальныхъ страданій въ потѣ лица

ѣсть хлѣбъ и тѣмъ поддерживать жизнь смертнаго и страждущаго тѣла, какъ необходимое слѣдствіе первогрѣха человѣческаго; 2) полная, идеально-мысленная возможность для Христа, какъ Богочеловѣка, своимъ всемогуществомъ искупить человѣчество отъ этихъ нравственно ненормальныхъ и противорѣчащихъ божественной правдѣ о человѣкѣ матеріально-физическихъ страданій жизни; 3) отъ вѣка предназначенное божественною волею постепенное и при самодѣятельномъ участіи человѣка совершающееся перерожденіе плотнаго или душевнаго тѣла въ тѣло духовное и святое путемъ благодатнаго возрожденія и совершенствованія духа, какъ творчески-владычнаго начала человѣческой личности и жизни, — возрожденія, имѣющаго окончательно завершиться только въ царствѣ славы — по смерти человѣка. Если бы Христосъ превратилъ камни въ хлѣбъ (предположеніе, конечно, только мысленно-отвлеченное, невозможное въ дѣйствительности), Онъ былъ бы Искупителемъ только плотнаго человѣчества, вѣчно нуждающагося въ матеріальномъ питаніи, а не Основателемъ того царства духа, которое плоть и кровь не могутъ наслѣдовать (1 Кор. 15,50) и въ которомъ Богъ уничтожитъ пищу и чрево (1 Кор. 6,13); — воплощеніе Бога Слова и искушенія Богочеловѣка тогда и не требовались бы и имѣли бы только виѣшнее значеніе, безъ перерождающаго внутренняго дѣйствія на человѣчество; — человѣчество увѣровало бы во Христа какъ всемогущаго Бога, но оно не усвоило бы дѣйственной и искупительной вѣры въ то, что истинная жизнь человѣка состоитъ въ питаніи не матеріальнымъ хлѣбомъ, а Словомъ Божіимъ, которое, будучи живо и дѣйственно, проникаетъ до раздѣленія души и духа (Евр. 4,12) и здѣсь, въ таинственной глубинѣ духа, возрождаетъ человѣка въ новую тварь по Христу и по Богу. Итакъ Христосъ побѣдилъ искушеніе и въ своемъ безгрѣшномъ богочеловѣческомъ сознаніи примирилъ безгрѣшное само по себѣ стремленіе человѣчества къ блаженству по плоти съ божественною правдою о человѣкѣ, показавъ, что это блаженство достижимо только путемъ усвоенія Слова Божія и таинственно-духовнаго новотворенія, перерождающаго тѣло плоти въ тѣло духа, — что истинное блаженство плоти можетъ быть только тогда, когда оно исходитъ изъ святости и блаженства духа, слѣдовательно обусловливается со стороны человѣка постепеннымъ и свободнымъ осуществленіемъ правды Божіей. Въ связи съ этимъ искушеніемъ авторъ разсматриваетъ евангельскія повѣствованія о пребываніи Господа въ

Самаріи, о чудесномъ насыщеніи и бесѣдѣ Господа о хлѣбѣ жизни, исповѣданіи Петровомъ, преображеніи Господнемъ и крестныхъ страданіяхъ Христа. Внутренніе моменты *второго искушенія* составляютъ: 1) безгрѣшное само по себѣ и совершенно законное стремленіе человѣка совѣмъ освободиться отъ тѣла смерти, ограниченнаго теперешними матеріально-чувственными формами временно-пространственнаго бытія и потому ограничивающаго высокіе полеты духа въ неземную область царства духовъ, — т. е. стремленіе перейти **въ** то прославленное и бессмертное состояніе, въ которомъ духъ будетъ совершать истинно-духовное служеніе Богу и которое назначено человѣку только послѣ смерти и воскресенія; 2) всемогущество и любовь Бога, Который можетъ и желаетъ возвести человѣка въ такое состояніе; 3) предназначенное отъ вѣка, по законамъ божественной правды и любви, требующимъ соотвѣтственной любви къ Творцу и со стороны разумно-свободной твари, постепенное, при самодѣятельности человѣка, содѣйствіе благодати Божіей и въ условіяхъ даннаго бытія совершающееся достиженіе человѣкомъ прославленнаго состоянія путемъ самоподвига, самоотверженія и самоусовершенствованія, какъ выраженія истинной любви къ Богу. Если бы Христосъ бросился съ храма (предположеніе опять только мысленное, не осуществимое въ дѣйствительности) и, какъ Богочеловѣкъ, остался бы невредимъ, — то Онъ породилъ бы у людей вѣру въ Себя какъ Сына Божія и внѣшній страхъ предъ всемогуществомъ Божіимъ, но такое чудо не вдохнуло бы въ людей искупительной вѣры въ Сына Человѣческаго и въ свое собственное богоусыновленіе, — воплощеніе Бога-Слова не имѣло бы внутренне-возрождающей дѣйственности въ человѣкѣ, ибо такую внѣшнюю вѣру и такой трепетъ предъ всемогуществомъ Божіимъ имѣютъ все люди, даже и бѣсы. Возрожденіе человѣка въ новую тварь и въ прославленно-одухотворенное состояніе должно быть внутреннимъ и свободно-разумнымъ подвигомъ любви къ Богу, не искушающей Бога, какъ небеспагодъ Отца, капризными требованіями неразумнаго дитяти въ той увѣренности, что небесный Отецъ по любви къ своимъ земнымъ чадамъ исполнитъ ихъ требованія и не дастъ имъ погибнуть, — по любви, которая по своему истиннѣйшему существу есть саможертва, преданіе своей воли волѣ Отца, покорно-радостное и съ любовью соединенное совершеніе Его правды о человѣкѣ, т. е. постепенное, — путемъ подвига, страданій и саможертвы, — достиженіе назначенной Небеснымъ Отцомъ цѣли человѣческаго бытія и жизни.

Въ связь съ этимъ искушеніемъ авторъ ставитъ всѣ тѣ событія евангельской исторіи, когда отъ Христа требовали внѣшнихъ знаменій и чудесъ, которыя Онъ могъ бы совершить Своимъ всемогуществомъ, но добровольно отказывался, дабы явить въ Себѣ человѣчеству истинный образъ подвигоположника и первострадалца и тѣмъ показать, что при данномъ своемъ состояніи **человѣкъ** можетъ достигъ предназначенной ему славы только путемъ самоотверженной внѣшней и внутренней борьбы со зломъ. Въ частности авторъ разсматриваетъ это искушеніе въ связи съ національно-теократическими особенностями Израиля, какъ избраннаго народа Божія и теократическаго сына Божія. *Третье искушеніе* составляютъ слѣдующіе моменты: 1) предназначеніе и стремленіе человѣчества къ единому царству любви и мира, которое основать пришелъ Искупитель міра, какъ единый Пастырь и единаго стада; 2) невозможность полнаго и мгновеннаго осуществленія такого вселенскаго единства внѣшне-политическими средствами, вслѣдствіе данныхъ географическихъ, историческихъ и индивидуальныхъ особенностей, обусловливающихъ собою группы народовъ и внѣшне-политическихъ государствъ; 3) служеніе и поклоненіе Богу въ духѣ и истинѣ, религіозно-церковное единеніе людей подъ властію единаго и невидимаго Главы Церкви и Царя царства Божія — Христа, достигаемое на землѣ и постепенно-исторически осуществляемое путемъ взаимной любви людей другъ къ другу, служенія ближнимъ, всепрощенія даже враговъ, вообще самоотверженія и тяжелаго подвига саможертвы, что все должно вести людей къ окончательному и полному единенію между собою и къ истиннѣйшему общенію съ небеснымъ Царемъ-Искупителемъ въ невечернемъ царствѣ славы. Если бы Искупитель, какъ единый и истинный Царь міра, взялъ подъ свою внѣшне-политическую власть всѣ царства міра, Онъ могъ бы устранить своимъ всемогуществомъ внѣшнія выраженія семейной, общественной и національной вражды (войны) среди людей, но это было бы только внѣшне-политическое царство рабовъ, основанное на страхѣ къ деспоту, а не царство истинно-свободныхъ чадъ Божіихъ, основанное на братской любви другъ къ другу и сыновней любви къ небесному Отцу;—это было-бы царство земное, внѣшнее, плотяное, а не царство небесное, внутреннее, духовное. Въ связь съ этимъ искушеніемъ авторъ ставитъ тѣ моменты земной жизни Христа, когда Онъ и словомъ и дѣломъ являлъ, что царство Его не отъ міра сего, — а въ концѣ главы авторъ разсматриваетъ геосиман-

ское бореиіе Христа, какъ заключительный моментъ искупительнаго подвига искушеній Богочеловѣка. Понимаемая такъ, искушенія Христа могутъ быть поставлены въ тѣсную связь съ имѣющими глубокое догматическое основаніе тремя сторонами искупительнаго подвига Богочеловѣка какъ Пророка, Первосвященника и Царя. Эти три искушенія Христа, затѣмъ, могутъ быть разсматриваемы какъ частные и нераздѣльные моменты единого и непрерывнаго искупительнаго подвига богочеловѣческаго, состоявшаго въ томъ, что безгрѣшный Богочеловѣкъ, во исполненіе воли Отца, добровольно ставитъ себя въ условія искупаемости, подверженнаго дѣйствию зла, страданій и смерти состоянія человѣческаго (конечно, кромѣ самого грѣха), начиная съ (рожденія и) искушеній въ пустынь и кончая геесиманскимъ бореиіемъ, крестными страданіями и даже смертію — съ одной стороны, — и постепенно, въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, побѣждаетъ искушенія злаго духа сначала въ пустынь и потомъ во всей своей земной жизни до воскресенія изъ мертвыхъ и прославленія — съ другой стороны. Наконецъ, при такой постановкѣ дѣла, получаютъ совершенно удовлетворительное и согласное съ православнымъ вѣросознаніемъ объясненіе трудные догматико-экзегетическіе вопросы: а) о необходимости искушеній Искупителя; б) о возможности и дѣйствительности искушеній для безгрѣшнаго Богочеловѣка и, наконецъ, в) объ искупительной дѣйственности для человечества побѣды надъ искушеніями **въ лицѣ** Искупителя. Оканчивая обзоръ главы, считаемъ нужнымъ сказать, что это — во всѣхъ отношеніяхъ наилучшія страницы изъ всей обширной тетради автора. Можемъ однако-же замѣтить: во 1-хъ — не съ желательною полнотою выяснено внутреннее единство трехъ отдѣльных искушеній Господа, какъ органически-нераздѣльных моментовъ единого искупительнаго подвига всей земной жизни Богочеловѣка — съ одной стороны, и съ другой: внутренніе моменты каждаго искушенія, повидимому, не сознаны и не поставлены авторомъ съ такою сосредоточенностію и отчетливою раздѣльностію, какъ это изложено выше; во 2-хъ — отдѣльная группировка евангельскихъ событій по тремъ искушеніямъ отличается искусственностію и схоластичностью, такъ какъ всѣ три искушенія были нераздѣльными моментами единого и органически-цѣлостнаго искупительнаго подвига земной жизни Господа и такъ какъ, хотя въ нѣкоторыхъ повѣствованіяхъ евангельскихъ и выступаетъ на видъ съ болышею силою тотъ или другой моментъ богочеловѣческаго под-

вига борьбы съ искушеніемъ отъ злаго духа и побѣды надъ нимъ, но при этомъ или предполагается или ясно открывается одновременная и равносильная (особенно въ крестной смерти и воскресеніи Господа) побѣда Богочеловѣка надъ всеми тремя искушеніями; вслѣдствіе этого автору оказывается необходимость говорить объ этихъ событіяхъ трижды; гораздо лучше было бы, если бы авторъ прослѣдилъ постепенное совершеніе Господомъ побѣды надъ искушеніями отъ злаго духа въ послѣдовательно-историческомъ порядкѣ евангельскихъ событій, такъ какъ въ общемъ внѣшне-хронологическая послѣдовательность евангельской исторіи совпадаетъ съ внутреннимъ прагматизмомъ искупительнаго подвига Богочеловѣка.

„Вторая часть сочиненія, называемая авторомъ *историко-догматическою* и носящая заглавіе: *возможность и дѣйствительность искушеній Богочеловѣка*, состоитъ изъ трехъ главъ. Первая и вторая содержатъ: обстоятельную исторію вопроса объ отношеніи божескаго и человѣческаго естествъ во Христѣ, о безгрѣшности человѣческой природы Господа и о возможности и дѣйствительности искушеній безгрѣшнаго Богочеловѣка (1 глава), и краткій конспективный обзоръ ученій о томъ-же предметѣ въ позднѣйшее и новѣйшее время въ западномъ богословіи (2 глава). Въ третьей главѣ авторъ самъ рѣшаетъ этотъ вопросъ на почвѣ православнаго вѣрученія, выходя изъ догматическаго понятія о Богочеловѣчкѣ, о неслиянномъ и нераздѣльномъ соединеніи въ Немъ божескаго и человѣческаго естествъ и о двухъ воляхъ Искупителя, при единомъ Бого-сыновнемъ или Бого-человѣческомъ сознаніи и лицѣ, вслѣдствіе чего какъ божество, такъ и человѣчество были для Христа *своими*. Искушеніе Христа состояло въ сознаніи Богочеловѣкомъ совершенно законнаго и безгрѣшнаго самого по себѣ стремленія своего человѣчества проявить въ себѣ обитавшую въ немъ тѣлесно всю полноту божества; а побѣда надъ искушеніемъ и ихъ искупительное значеніе — въ добровольно-сознательномъ подчиненіи Богочеловѣкомъ своей человѣческой воли волѣ божественной о постепенномъ совершенствованіи (конечно безгрѣшномъ) человѣческаго естества путемъ добровольнаго внутренняго подвига любви, саможертвы и послушанія до состоянія полного прославленія и проявленія въ себѣ своей полноты Божества тѣлесно (келосіе и вознесеніе одесную Отца). Замѣтить надо, что эта глава, какъ видно изъ ея содержанія, въ сочиненіи автора стоитъ не на своемъ мѣстѣ; ея задача и частныя мысли совпадаютъ съ 4 и 5

главами первой части, въ которыхъ авторъ частію предполагаетъ, частію же и прямо высказываетъ мысли, содержащіяся въ разсматриваемой главѣ. Поэтому она должна быть соединена съ указанными главами первой части въ одно органически-цѣлое. Причина самостоятельной постановки этой главы, какъ и всей второй части, заключается опять въ томъ, что авторъ дѣлитъ главы не по предметному ихъ содержанію, а по различію внѣшне-формальныхъ точекъ зрѣнія на предметъ, что въ отношеніи къ такому предмету, какъ богочеловѣческая личность Искупителя, ея сознаніе, двѣ воли, искушеніе и проч., должно быть признано искусственнымъ, ибо догматика и метафизика здѣсь совпадаютъ съ дѣйствительно-историческимъ фактомъ и догматическое ученіе здѣсь не можетъ быть отдѣляемо отъ предмета его, т. е. евангельской исторіи вообще и въ частности отъ всего искупительнаго подвига искушевіи Богочеловѣка. Существомъ темы не требовалось также и входить въ историческія подробности ученія о лицѣ Иисуса Христа, такъ какъ православно-догматическое ученіе о семъ можно найти въ извѣстныхъ каждому богослову догматическихъ трудахъ, а неправославныя воззрѣнія тоже общеизвѣстны и имѣются въ тѣхъ же историко-догматическихъ трудахъ. Трактатія эта имѣла бы право на свое бытіе, если бы авторъ строже и отчетливѣе выдѣлилъ въ ней все то, что относится къ объясненію собственно искушеній Господа и въ видѣ краткаго (или подробнаго) очерка исторіи даннаго темою вопроса помѣстилъ бы въ началѣ сочиненія (введеніи) или же въ приложеніи. Но какъ самостоятельная и при томъ вторая часть сочиненія эта трактатія существовать не должна.

„Третья и послѣдняя, *критико-эксегетическая* часть носить заглавіе: подлинность и историческая достовѣрность евангельскихъ повѣствованій объ искушеніи Христа въ пустынь отъ діавола. Она посвящена сравнительному обзоренію и истолковательному изслѣдованію евангельскихъ текстовъ, содержащихъ повѣствованіе объ искушеніи Господа, и опроверженію отрицательныхъ толкованій этого евангельскаго событія — написана ясно и подробнаго изложенія не требуетъ.

„Какъ въ *постановкѣ* задачи, такъ и въ *общемъ рѣшеніи* ея авторъ стоитъ на совершенно вѣрной и самостоятельной дорогѣ. Отрѣшась отъ искусственной схоластичности западнаго богословія и возвращаясь къ древне-отеческимъ воззрѣніямъ, авторъ владѣетъ надежною путеводною нитью для правильнаго и самостоятельнаго

изслѣдованія, на почвѣ древне-отеческаго и православно-догматическаго вѣросознанія, трудныхъ богословско-экзегетическихъ вопросовъ: о необходимости, возможности, дѣйствительности, общечеловѣческомъ значеніи и искупительной дѣйственности искушеній безгрѣшнаго Богочеловѣка. Въ частности авторъ высказываетъ много свѣтлыхъ и замѣчательныхъ по своей глубинѣ мыслей, обладаетъ незауряднымъ пронизательно-критическимъ умомъ, способностью къ тонкому догматико-философскому, историко-экзегетическому и нравственно-психологическому анализу, довольно широкою опытною въ области религіозной жизни человѣка и умѣньемъ дѣльно примѣнить эти опыты къ всестороннему изслѣдованію даннаго вопроса. Авторъ, далѣе, удовлетворительно владѣетъ древними и новыми языками и имѣетъ большую начитанность въ литературѣ какъ древне-отеческаго періода, такъ и позднѣйшаго и новѣйшаго времени. Наконецъ, стиль автора, т. е. строеніе отдѣльныхъ періодовъ и предложеній, отличается выработанностью и отчетливостію; по мѣстамъ онъ возвышается до истинно-научнаго краснорѣчія и задушевной увлекательности, показывая что авторъ работалъ надъ предметомъ съ любовью и убѣжденіемъ; нѣкоторыя страницы и даже, пожалуй, главы сочиненія (особенно 5-я 1-ой части) какъ глубиною и вѣрностію общаго рѣшенія вопроса, такъ и своимъ увлекательнымъ изложеніемъ доставляютъ читателю истинную усладу. По всѣмъ этимъ особенностямъ своимъ разсужденіе автора есть трудъ замѣчательный и заслуживающій полнаго одобренія. Все въ этомъ трудѣ вѣдряетъ мысль, что авторъ обладаетъ и нравственною, и умственною, и ученою энергіей для правильнаго, всесторонняго и самостоятельнаго изслѣдованія даннаго ему и, надо сказать, чрезвычайно труднаго во всѣхъ отношеніяхъ богословско-экзегетическаго вопроса.

„Но эта мысль тѣмъ строже и даже суровѣе заставляетъ рецензента отнести къ тѣмъ недостаткамъ работы, которые самъ авторъ быть можетъ считаетъ незначительными, но которые въ трудахъ подобнаго рода имѣютъ существенную важность и, какъ таковыя, могутъ отнять у труда его научное значеніе. И это потому, что научность подобныхъ работъ обусловливается столько же самостоятельностью въ общей постановкѣ вопроса и правильностію общаго рѣшенія его, сколько и даже иногда болѣе — систематически стройнымъ, ясно продуманнымъ и логически отчетливымъ раскрытіемъ частной аргументаціи и частныхъ сторонъ :

предмета. Между тѣмъ эта сторона дѣла въ сочиненіи г. Гарѣва заставляеть желать весьма и весьма многаго.

„Прежде всего замѣтно даетъ себя знать отсутствіе строго продуманнаго и отчетливо выработаннаго общаго плана въ сочиненіи. Составляя ту или другую часть, главу, отдѣлъ сочиненія, авторъ, какъ и самъ онъ сознается, предварительно не представлялъ себѣ со всею ясностію и подробностію содержаніе дальнѣйшихъ трактатій и не носилъ въ своемъ умопредставленіи отчетливой логической грани между ними. Для доказательства мы должны вкратцѣ повторить и сосредоточить выше нами сдѣланныя замѣчанія по поводу отдѣльныхъ главъ. Самостоятельная постановка всей второй части, которую авторъ называетъ историко-догматическою, становится совершенно непонятною въ виду четвертой главы первой части, „подробно излагающей *догматико-метафизическое* значеніе побѣды Христа надъ искушеніями отъ злаго духа, какъ возстановленіе союза Бога съ человѣкомъ, и представляющей полный очеркъ искупительнаго служенія Христа съ точки зрѣнія Его борьбы и побѣды надъ искушеніями“. Не совсѣмъ понятна, далѣе, самостоятельная постановка введенія, содержащаго краткій очеркъ ученія объ искупительномъ служеніи Христа за періодъ древнеотеческій и въ позднѣйшее время и обширныхъ двухъ первыхъ главъ второй части, трактующихъ существенно о томъ же предметѣ и съ той же догматико-исторической точки зрѣнія (различіе между этими трактатіями не на столько существенно, чтобы отдѣлять ихъ въ особыя главы). Я не могъ также уяснить себѣ существенной необходимости и логическихъ правъ самостоятельнаго бытія: третьей главы второй части, гдѣ авторъ изслѣдуетъ вопросъ, выходя изъ догматическаго понятія о Богочеловѣкѣ, и четвертой главы первой части, разсматривающей предметъ съ той же „догматико-метафизической точки зрѣнія“. А вслѣдствіе вышеуясненной нами искусственности различенія догматико-метафизической и историко-психологической точекъ зрѣнія примѣнительно къ искупительному подвигу искушеній безгрѣшнаго Богочеловѣка — различенія, заставляющаго автора удвоить изслѣдованіе одного и того же предмета, — теряютъ логическое право на отдѣльное существованіе: первая глава рядомъ со второю—первой части и обѣ онѣ-рядомъ съ третьею; а также — четвертая первой части и третья второй части — рядомъ съ пятою первой части.

„Въ частности нѣкоторыя главы (1, 2 и 4 первой части и 3—второй части) написаны такъ, что я затруднялся кратко форму-

ликовать ихъ темы и съ раздѣльною пунктуальною выдѣлить частныя доказательства, бывъ принужденъ ограничиться указаніемъ только самыхъ общихъ мыслей безъ частнаго ихъ развитія. При чтеніи начальныхъ трактатій сочиненія ощущается или полное отсутствіе (искушеніе и грѣхопаденіе безгрѣшныхъ прародителей и необходимость ветхозавѣтной исторіи божественнаго домостроительства) или же недостаточное раскрытіе нѣкоторыхъ, для темы вообще и для пониманія разсужденій автора въ частности существенно важныхъ, вопросовъ и понятій, изъ коихъ авторъ однако же касается нѣкоторыхъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, — знакъ, что, приступая къ работѣ, авторъ не имѣлъ отчетливаго плана, что предметъ уяснялся для него постепенно, по мѣрѣ написанія сочиненія, и что при дальнѣйшемъ изложеніи онъ самъ начиналъ сознавать нужду въ болѣе отчетливомъ уясненіи опущенныхъ сторонъ предмета. Читая сочиненіе г. Тарѣева, иногда недоумѣваешь, для чего написаны тѣ или иныя страницы, и почти никогда напередъ не опредѣлишь, что и какъ хочетъ доказать авторъ. Даже при чтеніи отдѣловъ историко-прагматическихъ (3 гл. перв. ч. и 1—2 втор. ч.) и наиболѣе ясно поставленныхъ (5 гл. перв. ч.) слѣдить за общею нитью разсужденій автора оказывается дѣломъ весьма нелегкимъ, требующимъ бесполезнаго напряженія мысли и перечитыванья уже прочитаннаго. И это оттого, что авторъ цѣликомъ приводитъ много длинныхъ и буквальныхъ цитатъ изъ источниковъ, не отдѣляя главныя и нужныя отъ неважныхъ и даже излишнихъ и уклоняясь иногда отъ главной нити разсужденій въ постороннія и соприкосновенныя матеріи, обычно помѣщаемыя въ примѣчанія или же совсѣмъ опускаемыя. Вообще какъ относительно всего плана сочиненія, такъ и частнаго раскрытія мыслей нѣтъ возможности сказать, чтобы предшествующее въ немъ подготовляло послѣдующее и чтобы построеніе главъ опредѣлялось необходимостью логической постепенности.

„Наконѣцъ, авторъ не выработалъ строго-однообразной и догматически-точной терминологіи, нерѣдко сочетавая съ обычными терминами другой необычный смыслъ и злоупотребляя пантеистической фразеологіей для выраженія христіанско-теистическихъ понятій. Примѣры. „Человѣкъ есть воплощеніе Божества (въ смыслѣ: образъ Божій); начало Богочеловѣчества, вполне осуществившееся и завершившееся въ лицѣ Иисуса Христа, восходитъ къ творенію перваго человѣка, — призваніемъ перваго человѣка было полное осуществленіе образа Божія, *полное воплощеніе* Божества на землѣ“

(стр. 55): между тѣмъ какъ, и по ученію самого автора, такое полное воплощеніе Божества возможно только для одного Богочеловѣка — Христа, и авторъ выражаетъ такъ только ту мысль, что человѣкъ есть образъ Божій и что ему, человѣку, назначены слава и вѣчное блаженство не только по духу, но и по тѣлу. „Внѣшній міръ нужно представлять какъ живой организмъ, *душу* котораго составляетъ человѣкъ; обнаруживаясь во всемъ міровомъ тѣлѣ, какъ Господь силы, премудрости и жизни, какъ внѣшній и неизмѣнный порядокъ, внѣшнее единство и начало жизни физической, Господь въ человѣкѣ проявляется съ существенной своей стороны, какъ свободно-разумное лицо, — чрезъ сознаніе человѣка Онъ *истинно* воплощается въ міровой жизни“ (стр. 56—57; ср. 58—59): выраженія, въ которыя авторъ рѣшительно безъ всякой нужды облачаетъ ту совершенно православную мысль, что міръ есть храмъ Божій, отраженіе божественныхъ совершенствъ и откровеніе божественной дѣйственности, а человѣкъ есть высшее твореніе Бога, Его образъ и подобіе на землѣ. Сюда же надо отнести выраженіе: „богочеловѣческій процессъ въ мірѣ и исторіи человѣчества“ (ср. 106 стр.); „данное въ рожденіи Богочеловѣка *отношеніе* божескаго и человѣческаго естествъ не было окончательнымъ, — божество открывалось и проявлялось постепенно, *достигая своей полноты тѣлеснаго обитанія* во Христѣ (стр. 247), — для человѣчества I. Христа божество было дано *идеально*, какъ ограниченное въ проявленіи свободною волею Сына Божія... для истиннаго совершенія богочеловѣческаго дѣла, для *полнаго усвоенія* *человѣчествомъ божества* было необходимо... и пр. (стр. 664—665); божество для Его человѣчества было дано только въ идеѣ“ (стр. 673): этими выраженіями авторъ высказываетъ ту совершенно православную мысль, что при нераздѣльномъ и несліянномъ соединеніи божескаго и человѣческаго естествъ во Христѣ Его человѣческая природа сохраняла свою волю и должна была достигнуть окончательнаго и полнаго прославленія путемъ искупительнаго подвига, состоявшаго въ послушаніи волѣ Отца даже до смерти, и при томъ крестной. Сюда же надо отнести выраженіе: „свободное самоограниченіе божества, проявившееся въ твореніи міра и человѣка и воплощеніи Сына Божія“, употребляемое авторомъ въ томъ же самомъ значеніи, въ какомъ православныя догматики говорятъ: Богъ создалъ міръ и искупилъ падшую тварь по Своей благодати и любви. Употребляя безъ всякой нужды эти выраженія въ православно-догматическомъ смыслѣ и отступая

отъ выработанной уже и точной терминологіи, авторъ тѣмъ вызываетъ только въ читателѣ излишнія недоумѣнія, вредитъ ясности изложенія и затрудняетъ пониманіе въ сущности простыхъ и общеизвѣстныхъ истинъ. Съ особеннымъ вниманіемъ мы останавливаемся на этой терминологіи потому, что автору, какъ православному богослову, нѣтъ ни малѣйшей нужды въ тѣхъ злоупотребленіяхъ христіанскими понятіями, къ какимъ вынуждены прибѣгать западные догматисты-философы пантеистическаго направленія. Въ предостереженіе можемъ указать на печальный образецъ Вл. Соловьева, который въ своихъ чтеніяхъ о богочеловѣчествѣ является философомъ-мыслителемъ словъ, а не понятій, т. е. бросаетъ термины безъ ближайшаго раскрытія и сочетаваетъ ихъ внѣшне-механическимъ образомъ, при чемъ даже слабый богословско-логическій анализъ открываетъ ихъ внутреннюю нестройность и даетъ въ результатѣ совершеннѣйшую путаницу богословскихъ понятій, — конечно если только не считать, и мы дѣйствительно не считаемъ г. Вл. Соловьева замаскированнымъ пантеистомъ въ родѣ западныхъ догматистовъ-философовъ изъ школъ Шлейермахера, Гегеля и Шиллинга, т. е. если не видѣть въ разсужденіяхъ г. Соловьева лишенный своего прямого смысла наборъ христіанско-богословскихъ фразъ съ совершенно другимъ, философско-пантеистическимъ значеніемъ.

„Въ концѣ концовъ сочиненіе г. Тарѣева оставляетъ впечатлѣніе не строго-продуманнаго, хорошо выношеннаго и отчетливо выполненнаго творенія, но скорѣе—черновыхъ набросковъ на бумагу тѣхъ мыслей, какія приходили автору въ голову при обдумываніи вопроса и его частныхъ сторонъ, — мыслей въ общемъ правда вѣрныхъ, самостоятельныхъ и замѣчательныхъ по своей глубинѣ, но все же отрывочно набросанныхъ на отдѣльныхъ листахъ, которые авторъ не умѣлъ соединить въ одно стройное цѣлое, а только сшилъ, по ихъ общему сходству, въ отдѣльныя главы.

„Вышеуказанный недостатокъ, *существенный по отношенію къ сочиненію* г. Тарѣева, мы склонны однако же считать *случайнымъ по отношенію къ самому автору*, т. е. мы вѣримъ, что этотъ недостатокъ зависитъ не отъ природныхъ свойствъ ума писателя, но частію отъ трудности вопроса и самостоятельности его изслѣдованія авторомъ, а частію отъ сравнительной ограниченности времени, находившагося въ распоряженіи автора. Работы подобнаго рода, какъ это должно быть извѣстно каждому учепому, совѣмъ не то, что компилированіе пособій или первоисточниковъ,

въ подлинникѣ или переводѣ, на извѣстную тему, напр. подборъ мрачныхъ или свѣтлыхъ сторонъ извѣстныхъ лицъ, извѣстной эпохи и по извѣстнымъ источникамъ. Для составленія трудовъ послѣдняго рода требуется только извѣстная подготовка, должная охота, надлежащее терпѣніе, нужное количество времени и самыя заурядныя умственныя способности. Напротивъ, для успѣшнаго выполненія трудовъ, подобныхъ разсматриваемому, кромѣ всего вышеизложеннаго требуется еще далеко незаурядная умственная дальноркость, способность къ анализу и обобщенію отвлеченныхъ, для дюжиннаго ума незамѣтныхъ и малопонятныхъ, явленій въ области нравственно-религіозной жизни человѣчества, извѣстная широта психологической или духовной опытности и, кромѣ всего этого, особое настроеніе и подъемъ всѣхъ духовныхъ силъ, а слѣдовательно и благоприятныя для этого внѣшнія условія, которыя уже никомъ образомъ не могутъ быть измѣряемы днями, недѣлями и мѣсяцами. Подобныя труды вообще требуютъ значительнаго времени для того, чтобы мысли автора получили твердый устой въ его сознаніи и чтобы онъ могъ какъ бы издали и съ объективнымъ спокойствіемъ подвергнуть самокритикѣ свое твореніе. Да, мы называемъ трудъ г. Тарѣева умственнымъ твореніемъ, которое, какъ и всякое другое творчество, требуетъ долгихъ мукъ рожденія и есть по истинѣ тяжелый внутренній подвигъ. И мы съ надеждою и искренно желаемъ, чтобы авторъ съ прежнею энергіей довелъ свой подвигъ до конца, давъ выработанному имъ матеріалу болѣе отчетливое и стройное раскрытіе.

„Для сего, въ качествѣ совѣта, можемъ предложить такой планъ. Всему сочиненію необходимо предпослать краткое введеніе съ логическимъ конспектомъ тезисовъ и ихъ частнаго раскрытія, чѣмъ устранятся всѣ излишнія недоумѣнія при чтеніи сочиненія. Затѣмъ первую главу или часть сочиненія должно составлять критико-экзегетическое изслѣдованіе евангельскихъ повѣствованій объ искушеніи Господа: трактатія эта не только всесторонне и предварительно познакомятъ читателя съ предметомъ изслѣдованія, но и при составленіи ея сами собою возникнутъ тѣ богословско-теоретическіе вопросы, которые должны составить тему дальнѣйшихъ разсужденій. Вопросы эти, въ качествѣ-ли второй, богословско-теоретической части или же въ видѣ дальнѣйшихъ главъ сочиненія, могутъ быть поставлены въ нижеслѣдующемъ порядкѣ. *Во первыхъ* надо всесторонне уяснить божественное предназначеніе касательно первосозданныхъ прародителей и въ ихъ лицѣ всего

человѣчества, необходимость и сущность подвига искушеній со стороны безгрѣшныхъ перволюдей для достиженія этого божественнаго о нихъ назначенія, грѣхопаденіе прародителей и его слѣдствія въ отношеніи къ назначенію человѣка; главною задачею главы должно служить раскрытіе условій искушенія и грѣхопаденія прародителей (см. замѣчаніе по изложеніи первыхъ трехъ главъ сочиненія), а ея общимъ результатомъ — мысль, что не побѣдившій искушенія и падшій человѣкъ не могъ искупить самъ себя, даже и при вѣщнемъ содѣйствіи Божества, и что для совершенія божественной правды о человѣкѣ необходимо требовалось воплощеніе ипостаскаго Слова-Бога и искупительный подвигъ искушеній безгрѣшнаго Богочеловѣка. *Во вторыхъ*, потомъ, должно раскрыть: почему воплощеніе Бога-Слова и искушеніе безгрѣшнаго Богочеловѣка не могли совершиться вслѣдъ за паденіемъ прародителей, которые были менѣе подвержены власти злаго духа, чѣмъ послѣдующее человѣчество въ его цѣломъ, — и какими условіями опредѣлялась ветхозавѣтная исторія божественнаго домо-строительства о спасеніи людей, т. е. показать необходимость историческаго процесса для подготовленія человѣчества къ искупленію его воплотившимся Сыномъ Божіимъ, и потомъ раскрыть самый этотъ историческій процессъ или дохристіанскую исторію борьбы Логоса съ злымъ духомъ и постепенно-историческое приготовленіе человѣчества къ вѣрѣ въ Богочеловѣка Искупителя (см. замѣчанія къ первымъ тремъ главамъ). *Въ третьихъ*, далѣе, надо раскрыть понятіе боговоплощенія, возможность и дѣйствительность искушеній для безгрѣшнаго Богочеловѣка (богословско-теоретическая сторона) и уяснить искупительный подвигъ Христа съ точки зрѣнія Его искушеній отъ злаго духа и побѣды надъ ними — сначала внутренне-духовной или идеально-волево́й, а потомъ постепенно осуществлявшейся (побѣды) во всей земной жизни Господа до геосиманскаго боренія, крестныхъ страданій, смерти, воскресенія и вознесенія на небо; при этомъ желаемъ, чтобы авторъ при анализѣ искушеній отчетливо провелъ указанные нами при изложеніи пятой главы первой части отдѣльные моменты искушеній Господа и раскрылъ органическое единство трехъ искушеній по отношенію къ искупительному подвигу Богочеловѣка и тремъ сторонамъ этого подвига — пророческой, первосвященнической и царской; кромѣ того положительно не совѣтуемъ автору искусственно группировать евангельскія событія по тремъ отдѣльнымъ искушеніямъ, ибо эти искушенія были, какъ замѣчено нами выше,

внутренно-нераздѣльными моментами единого и непрерывнаго искупительнаго подвига богочеловѣческаго, постепенно осуществляющагося во всей земной жизни Господа отъ (рожденія и) искушенія въ пустынѣ и до вознесенія на небо, при чемъ отдѣльные моменты подвига искушеній въ извѣстныхъ событіяхъ выступаютъ у евангелистовъ только съ преобладающею силою, но въ каждую минуту своей жизни Христосъ долженъ былъ побѣждать всѣ три искушенія; поэтому совѣтуемъ автору прослѣдить постепенное совершеніе Господомъ побѣды надъ искушеніями отъ злаго духа въ послѣдовательно-историческомъ порядкѣ евангельскихъ событій, и это — тѣмъ болѣе, что внѣшно-хронологическая послѣдовательность евангельской исторіи, повторяемъ, въ общемъ совершенно совпадаетъ съ внутреннимъ прагматизмомъ искупительнаго подвига Богочеловѣка (см. замѣчанія къ 5 гл. первой части). Наконецъ, *въ четвертыхъ*, при такой постановкѣ дѣла, отъ автора требуется совершенно новая и заключительная глава объ искупительной дѣйственности искушеній Богочеловѣка для основанной Имъ церкви; авторъ долженъ показать, что для постепеннаго преобразованія и возрожденія человѣка отъ славы въ славу по образу Христа-Искупителя всѣмъ истинно вѣрующимъ христіанамъ необходимъ подвигъ борьбы съ искушеніями отъ злаго духа и самодѣятельной, при содѣйствіи божественной благодати, побѣды надъ ними — въ области личной жизни христіанина, семейныхъ и общественныхъ отношеній въ предѣлахъ каждой народно-помѣстной церкви и наконецъ въ соборно-вселенскомъ единеніи всѣхъ народно-помѣстныхъ церквей, ихъ взаимныхъ отношеній одна къ другой и къ царству зла, въ которомъ міръ лежитъ; такимъ образомъ авторъ долженъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ и только въ главныхъ моментахъ, раскрыть совершаемый, по образу Искупителя-Богочеловѣка и по даруемой Имъ каждому истинному члену царства Божія благодати, подвигъ борьбы съ искушеніями отъ злаго духа и постепеннаго преодоленія его въ исторіи церкви Христовой, — т. е. уяснить: какъ истинно-православная и истинно-соборная церковь Христова, въ лицѣ своихъ истинныхъ чадъ и представителей (помѣстныхъ церквей), всегда выходила и выходитъ побѣдительницею изъ искушеній отъ злаго духа, и наоборотъ: какъ неправословіе или инословіе побѣждаются тѣмъ или другимъ искушеніемъ злаго духа и впадаютъ въ лжеименное христіанство (напр. протестанство и мистицизмъ — первымъ и вторымъ искушеніями преимущественно; католицизмъ среднихъ вѣ-

ковъ — особенно третьимъ искушеніемъ и под. въ этомъ родѣ). Этотъ историко-логическій планъ (необходимость искушеній Богочеловѣка и Ветхій Заветъ, дѣйствительность искушеній и церковь) мы предлагаемъ автору, примѣняясь къ выработанному имъ и имѣющемуся на лицо въ его сочиненіи матеріалу. Можно дать и чисто логическое построеніе вопросу (необходимость, дѣйствительность и дѣйственность искушеній Богочеловѣка), но для этого автору потребовалось бы уже не переработывать свое сочиненіе, а писать его почти заново. Такъ или иначе, но если авторъ дастъ болѣе стройное *общее* построеніе и болѣе отчетливое *частное* раскрытіе даже и тому матеріалу, какой выработанъ имъ въ кандидатскомъ разсужденіи, то и тогда его трудъ будетъ представлять замѣчательное явленіе въ православной богословско-экзегетической литературѣ.

„Вышеизложенныя замѣчанія мы представляемъ къ труду г. Гарѣва независимо отъ особаго назначенія его. Разсматриваемый же какъ кандидатское разсужденіе, онъ даже по однимъ только лучшимъ своимъ частямъ (вся третья часть, пятая и третья главы первой части и третья глава второй части) не только вполне достоинъ искомой степени, но и заслуживаетъ полнаго одобренія и наивысшей отмѣтки“.

40) Отзывъ экстраординарнаго профессора Г. Воскресенскаго о сочиненіи *Терентія Теодоровича* на тему: „Очеркъ литературной борьбы представителей православнаго духовенства съ католичествомъ въ юго-западной Руси въ XVI и XVII вв.“:

„Сочиненіе г. Теодоровича состоитъ изъ введенія, трехъ главъ изслѣдованія и заключенія.

„Во введеніи (стр. 1—4) намѣчены объемъ и планъ сочиненія. Авторъ предположилъ ограничиться такъ называемымъ греко-славянскимъ періодомъ церковно-литературной жизни юго-западной Россіи и изъ этого періода остановиться съ большею подробностію на Іоаннѣ Вишенскомъ, предпославъ общую характеристику эпохи и обзоръ полемическихъ сочиненій, предшествовавшихъ дѣятельности Вишенскаго. Характеристика эпохи и современныхъ историческихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ противокатолическую полемику, составляетъ первую главу разсматриваемаго сочиненія (стр. 4—35). Характеристика составлена удовлетворительно.

„Во второй главѣ (стр. 35—141), послѣ замѣчаній о содержаніи и значеніи для католической церкви сочиненія Петра Скарчи: „O jednosci koscioła Bozego pod jednymъ pasterzem“, дается обзоръ

трудовъ главныхъ дѣятелей полемистовъ, предшествовавшихъ Вишенскому: Герасима Смотрицкаго — „Ключъ царства небеснаго“, Острожскаго клирика Василя — „О единой истинной православной вѣрѣ“, Стефана Зизанія — „Катихизисъ“ и „Казанье св. Кирилла объ антихристѣ“, Христофора Филарета (Бронскаго) — „Апокрисисъ“ и Мелетія Смотрицкаго — „Өринось“. Обыкновенно излагается содержаніе полемическихъ сочиненій и указывается ихъ значеніе. Авторъ обнаружилъ достаточное знакомство съ полемическою литературою конца XVI и начала XVII вѣка.

„Третья глава — объ Іоаниѣ Вишенскомъ (стр. 143 — 313) распадается на пять отдѣленій, изъ которыхъ въ первомъ излагаются біографическія свѣдѣнія о Вишенскомъ, указываются три періода его литературной дѣятельности и рукописные сборники сочиненій Вишенскаго, во второмъ, третьемъ и четвертомъ разсматриваются полемическія сочиненія Вишенскаго: а) „Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестехъ“, б) „Краткословный отвѣтъ Θεодула (псевдонимъ Вишенскаго) противъ сочиненія Петра Скарчи „O jedności kosciola Bozego“ и в) „Зачалка мудрого латынника съ глупымъ русиномъ въ диспутацию или попросту рекши въ гаданіе или бесѣду“; въ пятомъ отдѣленіи дается обзоръ нравственно-обличительныхъ сочиненій Вишенскаго, направленныхъ противъ остатковъ языческой старины, противъ упадка церковности, церковныхъ неустройствъ, противъ пороковъ латино-польскаго общества и латино-уніатскаго духовенства, въ защиту монашескаго чина и т. д. Въ заключеніи (стр. 314—323) предложена общая характеристика Іоанна Вишенскаго, какъ писателя, и указано его историческое значеніе. Іоаннъ Вишенскій — главный предметъ, на которомъ по преимуществу сосредоточено вниманіе автора. Довольно обширная литература о Вишенскомъ, развившаяся, впрочемъ, только за послѣднія двадцать пять лѣтъ, изучена авторомъ съ полною основательностью и употреблена въ дѣло умѣлою рукою. Изложеніе автора ясное, раздѣльное, языкъ ровный, чистый. Для полученія кандидатской степени сочиненіе г. Теодоровича удовлетворительно“.

41) Отзывъ ординарнаго профессора Е. Голубинскаго о сочиненіи *Александра Халанскаго* на тему: „Патріархъ Адріанъ“:

„Не всю дѣятельность патріарха Адріана авторъ успѣлъ изложить одинаково обстоятельнымъ образомъ; нѣкоторая часть дѣятельности передается имъ только въ краткомъ (конспективномъ) обзорѣ. Въ излагаемомъ обстоятельно главное составляютъ:

заботы Адриана о нравственно-церковномъ воспитаніи паствы и дѣятельность административная. Въ первомъ случаѣ авторъ впадаетъ въ нѣкоторое преувеличеніе, придавая заботамъ Адриана большее значеніе, нежели какое онѣ имѣли на самомъ дѣлѣ. Во второмъ случаѣ, — въ рѣчахъ о распоряженіяхъ и мѣропріятіяхъ Адриана относительно администраціи, желательно было бы видѣть болѣе тщательныя историческія справки о положеніи дѣла въ предшествующее время. По вообще сочиненіе представляетъ собою трудъ усердный и основательный, при чемъ стараніе автора достать и прочесть всѣ нужныя ему рукописи заслуживаетъ нарочитой похвалы. Высше-литературное изложеніе удовлетворительно“.

III. Внесенный и. д. Инспектора Академіи, Архимандритомъ Петромъ, списокъ студентовъ IV курса съ обозначеніемъ балловъ по ихъ поведенію; въ этомъ списокѣ поведеніе 47 студентовъ означено балломъ 5, 2-хъ студентовъ — балломъ 4 и у одного студента нѣтъ балла по поведенію вслѣдствіе его отсутствія изъ Академіи по болѣзни.

..IV. Прошенія студентовъ IV курса:

1. *Михаила Любскаго*: „Вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія своего организма и душевнаго разстройства по поводу смерти отца, послѣдовавшей въ концѣ сентября 1890 года, я не могъ окончить кандидатское сочиненіе въ свое время, а потому покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи позволить мнѣ подать его къ августу мѣсяцу сего года“.

2. *Леонида Церковничаго*: „По разстроенному здоровью я не имѣлъ возможности представить къ сроку свое сочиненіе и потому прошу Совѣтъ Академіи отсрочить мнѣ подачу его до 1 сентября сего года“.

3. *Виталія Мироносицкаго*: „По причинѣ своей болѣзни, извѣстной Совѣту Академіи, я не могъ подать кандидатскаго сочиненія въ свое время. Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дозволить мнѣ подать его въ августъ мѣсяцъ“.

4. *Сергія Введенскаго*: „Вслѣдствіе многократныхъ случаевъ болѣзни въ этомъ учебномъ году я не могъ приготовить къ назначенному сроку свое курсовое сочиненіе. Посему покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дозволить мнѣ подать сочиненіе въ августъ сего года“.

5. *Александра Кудѣвскаго*: „Честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи отложить мнѣ срокъ подачи кандидатскаго со-

чиненія до августа мѣсяца, каковое сочиненіе я не могъ представить своевременно вслѣдствіе общей неудовлетворительности въ состояніи моего здоровья, которую я чувствовалъ въ истекшемъ учебномъ году“.

6. *Сергѣя Модестова*: „Вслѣдствіе болѣзни, о которой своевременно было увѣдомлено академическое Начальство, я не имѣлъ возможности приготовить своего кандидатскаго сочиненія къ назначенному сроку. Посему осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи отложить мнѣ срокъ подачи означеннаго сочиненія до августа мѣсяца сего 1891 года“.

7. *Василія Пробатова*: „По слабости зрѣнія, которую я страдаю издавна и о которой академической врачъ официально свидѣтельствовалъ предъ Совѣтомъ Академіи, я не могъ приготовить сочиненія на степень кандидата въ свое время. Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи дозволить мнѣ представить оное послѣ лѣтнихъ каникулъ въ мѣсяцѣ августѣ текущаго года“.

8. *Александра Ильинскаго*: „Имѣю честь почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи отсрочить мнѣ до сентября мѣсяца сего года подачу кандидатскаго сочиненія, которое я не имѣлъ возможности представить своевременно вслѣдствіе нерѣдко повторявшейся и въ нынѣшнемъ году болѣзни, известной уже Совѣту Академіи изъ прежде представленныхъ мною медицинскихъ свидѣтельств“.

9. *Николая Вознесенскаго*: „Во время отпуска на масляную недѣлю и первую недѣлю Великаго поста я, чувствуя себя нездоровымъ, обращался за медицинской помощью къ земскому врачу города Ростова Ярославской губерніи г. Чакалеву. Онъ нашелъ у меня значительно развившуюся нервную слабость и совѣтовалъ возможно продолжительный отдыхъ отъ учебныхъ занятій. При этомъ онъ выдалъ мнѣ свидѣтельство для представленія въ академической Совѣтъ, каковое мною и послано было 13 марта на имя о. Инспектора, Архимандрита Антонія. По неудовлетворительному состоянію здоровья я не имѣлъ возможности написать курсовое сочиненіе и явиться на экзамены. Посему покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи зачислить меня на будущій 1891—92 учебный годъ въ число студентовъ того же IV курса и дать мнѣ отпускъ на предстоящіе каникулы. При настоящемъ прошеніи прилагаю новое свидѣтельство врача о моей болѣзни“.

Справка: 1) §§ 132—140 Устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній на каждомъ курсѣ, составляется Совѣ-

томъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія. При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся. Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіе четырехлѣтняго академическаго курса. При окончаніи полнаго академическаго курса, студенты академіи удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента. Студенты академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата, съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ). Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соответствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе. Студенты, оказавшіе въ теченіе академическаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе, неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента. Если получившій степень кандидата за весь четырехлѣтній курсъ оказалъ отличные успѣхи въ наукахъ, но не удовлетворилъ требованіямъ относительно сочиненія на степень магистра, или если представилъ сочиненіе, заслуживающее сей степени, но не оказалъ успѣховъ, соответствующихъ оной, то, при соисканіи такими лицами степени магистра, Совѣтъ не требуетъ отъ перваго изъ нихъ новаго устнаго испытанія, а отъ послѣдняго новаго сочиненія. Примѣнительно къ сему Совѣтъ поступаетъ и при соисканіи дѣйствительными студентами степени кандидата“ 2) По § 81 лит. б п. 10 того же Устава, присужде-

ніе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата значится между дѣлами Совѣта академи, представляемыми на утверженіе Епархіальнаго Преосвященнаго. 3) Студенты: Михайль Любскій, Леонидъ Церковницкій, Виталій Мироносицкій, Сергѣй Введенскій, Александръ Кудѣвскій, Сергѣй Модестовъ, Василій Пробатовъ, Александръ Ильинскій и Николай Вознесенскій были дѣйствительно больны въ теченіе учебнаго года, что удостовѣряется свидѣтельствами врачей. 4) Студентъ Н. Вознесенскій не оставался на второй годъ ни въ одномъ курсѣ.

Опредѣлили: 1) Представить Его Высокопреосвященству объ утвержденіи студентовъ IV курса: 1. Тихона Синьковского, Михаила Тарѣева, іеромонаха Григорія (Борисоглѣбскаго), Александра Халанскаго, 5. Павла Рязскаго, Ѳедота Кудринскаго, Сергѣя Богоявленскаго, Василя Арефьева, Александра Плотникова, 10. іеромонаха Палладія (Добронравова), Алексѣя Комарова, Николая Парійскаго, Василя Соловьева и іеромонаха Василя (Грекова) — въ степени кандидата богословія съ представленіемъ имъ права на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія; 2) объ утвержденіи студентовъ: 15. Тихона Рождественскаго, Ѳедора Делекторскаго, Сергѣя Соколова, Ивана Богданова, Георгія Вахнина, 20. Павла Свѣтозарова, Николая Побѣдинскаго, Сергѣя Липягова, Дмитрія Протопопова, Александра Вознесенскаго, 25. Николая Виноградскаго, Николая Глаголева, Дмитрія Даева, Александра Донскаго, Александра Богданова, 30. Алексѣя Смирнова, Антона Бочковского, Николая Соловьева, Ивана Крылова, Евгенія Стояновскаго, 35. Сергѣя Малевинскаго, Ивана Головщикова, Николая Бѣжанова, Ивана Павлова, Александра Смирнова, 40. Прокла Бычковского и Терентія Теодоровича — въ степени кандидата богословія съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ § 137 и 139 академическаго Устава; 3) объ утвержденіи студентовъ: Михаила Любскаго, Леонида Церковницкаго, Виталія Мироносицкаго, Сергѣя Введенскаго, Александра Кудѣвскаго, Сергѣя Модестова, Василя Пробатова и Александра Ильинскаго, не представившихъ кандидатскихъ сочиненій, — въ званіи дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи сочиненій, заслуживающихъ сей степени. 4) Студента Николая Вознесенскаго, не представившаго кандидатскаго сочиненія и не державшаго экзаменовъ по предметамъ IV курса, оставить на повторительный курсъ.

V. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1891 г. Мая 21. Въ Совѣтъ Академіи — къ исполненію. О послѣдующемъ донести мнѣ“ указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 13 мая сего года за № 1956:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о благоустройствѣ студенческихъ библіотекъ при духовныхъ академіяхъ: *Приказали:* Въ духовныхъ академіяхъ, на основаніи § 129 устава ихъ, разрѣшено имѣть особую отъ фундаментальной студенческую библіотеку съ тою единственно цѣлю, чтобы представить академическимъ воспитанникамъ возможность удобнѣе пользоваться лучшими благонамѣренными произведеніями литературы, — при чемъ наблюденіе за составомъ и наблюденіемъ такой библіотеки возложено на ректора академіи, безъ разрѣшенія котораго не должна поступать въ библіотеку ни одна книга, журналъ или газета; ближайшій же надзоръ за благоустройствомъ библіотеки и порядкомъ пользованія книгами представленъ инспектору академіи. Между тѣмъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Синода доходить, что въ нѣкоторыхъ духовныхъ академіяхъ въ студенческія библіотеки допускаются свободно книги и журналы, выписываемые по желанію самихъ студентовъ, причемъ дается значительное мѣсто періодическимъ изданіямъ свѣтскаго содержанія и газетамъ, чтеніе коихъ можетъ служить не къ назиданію юношей, призываемыхъ къ духовному просвѣщенію, а напротивъ того къ разсѣянію или даже развращенію мысли; при томъ допускается и устройство особыхъ читальныхъ комнатъ, куда выписываются во множествѣ свѣтскіе журналы и газеты, при выборѣ коихъ устраняются книги и изданія богословскаго содержанія, а обыкновенно отдается предпочтеніе произведеніямъ свѣтской литературы, отличающимся отчужденіемъ отъ церкви и ея установленій, а иногда и враждебнымъ къ нимъ отношеніемъ. Для завѣдыванія этими читальными возникаютъ особыя тайныя организаціи между студентами; читальни служатъ мѣстомъ для сходовъ студентовъ, посѣщаемыхъ иногда и сторонними неблагонамѣренными лицами. Беспорядки сего рода не должны бы имѣть мѣста при бдительномъ наблюденіи академическаго начальства, ибо, на основаніи существующихъ правилъ, безъ разрѣшенія ректора не должна поступать въ библіотеку ни одна книга, журналъ или газета и строгое за симъ наблюденіе остается на отвѣтственности ректора, причемъ § 127 устава воз-

лагаеть на Совѣтъ академіи составленіе правилъ относительно чтенія книгъ студентами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и попеченіе о томъ, чтобы чтеніе книгъ соотвѣтствовало потребностямъ высшаго богословскаго образованія. Что касается до особыхъ читаленъ, то о нихъ законъ не упоминаеть вовсе, имѣя въ виду лишь *библіотеку*, изъ коихъ подъ наблюденіемъ инспектора и могутъ быть выдаваемы книги для чтенія; вольная же выписка книгъ и журналовъ студентами, для общаго пользованія, по подпискѣ, по ихъ произволу, не должна быть ни подъ какимъ видомъ допускаема. Строгое наблюденіе сего правила существенно необходимо въ духовныхъ академіяхъ для предупрежденія безпорядковъ, и если бы кто изъ студентовъ не пожелалъ оному подчиниться, таковому надлежитъ объявлять, что въ такомъ случаѣ предоставляется ему уволиться изъ заведенія, ибо получая въ ономъ содержаніе и обученіе, долженъ подчиняться и уставу оного. Вселѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1., поручить Вашему Преосвященству вмѣнить ректору вѣренной Вамъ академіи въ непремѣнную обязанность имѣть неослабный надзоръ, чтобы студенческая бібліотека пополнялась книгами и журвалами не иначе, какъ съ его вѣдома, и при томъ такими, которые соотвѣтствовали бы цѣли и направленію академическаго образованія, Совѣту академіи предписать составить правила о чтеніи книгъ студентами, а инспектору — надзирать за благоустройствомъ бібліотеки и порядкомъ пользованія книгами и 2., существующую при студенческой бібліотекѣ читальню, какъ не имѣющую основанія въ уставѣ, нынѣ же закрыть; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію.

VI. Заявленіе Ректора Академіи, Архимандрита Антонія:

„Честь имѣю заявить Совѣту Академіи, что въ Московской Академіи существуютъ три отдѣленія студенческой бібліотеки, — два состоятъ изъ книгъ, пожертвованныхъ купцомъ Андреевымъ и И. С. Аксаковымъ, а третье пополняется добровольными взносами студентовъ и помѣщается въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ была устроена и читальня. Всякое поступленіе книгъ и періодическихъ изданій происходило не иначе, какъ съ разрѣшенія Ректора Академіи. Въ студенческую бібліотеку выписываются все вновь выходящія выдающіяся богословскія сочиненія, а также и все безъ изъятія духовные журналы и періодическія изданія. Выписывается

не мало и свѣтскихъ книгъ и періодическихъ изданій и одно изданіе юмористическаго характера. Никакихъ случаевъ самовольной выписки книгъ, ни тайной организаціи завѣдующихъ читальней въ Московской Академіи не было обнаруживаемо“.

Опредѣлили: Составить правила о чтеніи студентами книгъ изъ библіотеки.

VII. Занимались составленіемъ слѣдующихъ правилъ о чтеніи студентами книгъ изъ библіотеки:

Въ предупрежденіе помянутыхъ въ указѣ Святѣйшаго Синода случаевъ и во исполненіе прямо выраженныхъ требованій Совѣтъ полагаетъ слѣдующія правила о чтеніи студентами книгъ изъ библіотеки:

1. Для удобства наблюденія за студенческой библіотекой всѣ три ея отдѣленія соединить въ одномъ помѣщеніи.

2. Читальню закрыть, т. е. воспретить чтеніе періодическихъ изданій и книгъ въ особой библіотечной комнатѣ, допустивъ оное лишь въ студенческихъ номерахъ и рекреаціонной комнатѣ.

3. Не пропускать въ студенческую библіотеку ни одной бандерольной посылки иначе, какъ чрезъ руки Ректора и для сей цѣли отнестись въ почтовое Управление съ просьбой присылать всѣ адресованныя въ студенческую читальню или даже на имя всякаго студента печатныя или литографированныя бандерольныя посылки въ квартиру Ректора.

4. Выписку изданій юмористическихъ, какъ совершенно неприличныхъ въ духовной школѣ, вовсе запретить и выписываемое нынѣ изданіе отобрать.

5. При одобреніи Ректоромъ списка выписываемыхъ ежегодно періодическихъ изданій, а равно и вновь выходящихъ книгъ, наблюдать, чтобы свѣтское чтеніе не преобладало надъ духовнымъ и въ потребномъ случаѣ замѣнять книги и изданія перваго рода изданіями духовнаго содержанія, кои будутъ признаны Ректоромъ особенно необходимыми для правильнаго развитія юношества.

6. Инспекціи ревизовать студенческую библіотеку и въ случаѣ находенія въ ней изданій, не значащихся въ утвержденномъ начальствомъ каталогѣ, подвергать строжайшей отвѣтственности завѣдующаго библіотекой студента, нарочито утверждаемаго въ сей должности Ректоромъ Академіи.

Опредѣлили: Составленные правила о чтеніи студентами книгъ изъ библіотеки благопочтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

VIII. Резолюцію Его Высочайшаго Преосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта Академіи отъ 18 мая сего года: „1891 г. Мая 23. Утверждается“.

Справка: Въ ст. XV означеннаго журнала было изложено ходатайство Совѣта Академіи предъ Его Высочайшимъ Преосвященствомъ о разрѣшеніи студенту I курса Симону Логадзе жить на частной квартирѣ въ Сергіевомъ посадѣ.

Опредѣлили: Сообщить студенту Логадзе о послѣдовавшемъ ему разрѣшеніи жить на частной квартирѣ.

IX. Отношеніе Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 23 мая за № 2511:

„По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 9 текущаго мая, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣлены на духовно-учебную службу кандидаты Московской духовной академіи: Никифоръ *Четыркинъ* преподавателемъ по общительному богословію, исторіи и обличенію русскаго раскола и мѣстныхъ сектъ въ Могилевскую духовную семинарію, Михаилъ *Лебедевъ* преподавателемъ по всеобщей и русской гражданской исторіи въ Томскую духовную семинарію и Сергій *Звѣринскій* помощникомъ Инспектора въ Пермскую духовную семинарію.

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ составляетъ сообщить о семъ Совѣту академіи для зависящаго распоряженія, присовокупляя, что объ ассигнованіи упомянутымъ лицамъ слѣдующихъ имъ, по положенію, денегъ нынѣ же сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ“.

Справка: По распоряженію О. Ректора Академіи дано знать всѣмъ вышеозначеннымъ кандидатамъ о назначеніи ихъ на духовно-учебную службу.

X. Отношенія Правленій духовныхъ семинарій — Нижегородской отъ 24 мая за № 336, Калужской отъ 28 мая за № 330 и Касимовскаго духовнаго училища отъ 27 мая за № 112 съ увѣдомленіемъ о томъ, что въ означенныхъ семинаріяхъ и училищѣ вакантныхъ преподавательскихъ должностей не имѣется.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Предложеніе Ректора Академіи, Архимандрита Антонія:

„Честь имѣю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ курсъ воспитанниковъ Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каедръ въ Академіи“.

Справка: 1) §§ 54—56 Устава духовныхъ академій: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ академіи

Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, окончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 р. на каждаго. По истеченіи года они представляютъ отчетъ Совѣту въ своихъ занятіяхъ и затѣмъ могутъ быть опредѣляемы на соответственные ихъ приготовленію каѳедры въ академіи или семинаріяхъ“. 2) По § 81 лит. б п. 5 того же Устава, „оставленіе при академіи окончившихъ курсъ студентовъ для приготовленія къ занятію преподавательскихъ каѳедръ въ оной и назначеніе имъ содержанія“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Оставить для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каѳедръ въ Академіи въ будущемъ учебномъ году нынѣ окончившихъ курсъ студентовъ: Тихона Синьковского, Михаила Тарѣева и іеромонаха Григорія (Борисоглѣбскаго) съ производствомъ имъ содержанія съ 15 августа текущаго года по 466 р. 66 коп. каждому за вычетомъ 2% на пенсіи. Мнѣніе сіе представить на благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

ХII. Заявленія стипендіатовъ и своекоштныхъ студентовъ, нынѣ окончившихъ курсъ въ Академіи: Сергѣя Соколова, Александра Донскаго, Тихона Рождественскаго, Дмитрія Протопопова, Николая Бѣжанова, Прокла Бычковскаго, Сергѣя Липигова, іеромонаха Василія (Грекова), Ивана Крылова, Терентія Теодоровича, Николая Глаголева, Александра Вознесенскаго, Георгія Вахнина, Александра Кудѣвскаго, Александра Ильинскаго, Виталія Мироносицкаго, Ивана Павлова, Сергѣя Модестова, Алексѣя Смирнова и Александра Халалскаго о желаніи ихъ служить по духовно-учебному вѣдомству.

ХIII. Прошенія оставленныхъ въ минувшемъ учебномъ году при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каѳедръ кандидатовъ:

1) *Анатолія Спасскаго*: „Такъ какъ въ настоящемъ году въ Академіи не имѣется свободной каѳедры, то, на основаніи § 56 устава духовныхъ академій, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать о назначеніи меня въ преподаватели въ какую либо изъ центральныхъ семинарій по богословскимъ, историческимъ или философскимъ предметамъ“.

2) *Василія Млышова*: „Такъ какъ въ настоящее время при Академіи не имѣется для меня свободной каѳедры, то, на основаніи

§ 56 устава духовныхъ академій, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи установленнымъ порядкомъ ходатайствовать о скорѣйшемъ назначеніи меня на преподавательскую должность въ одной изъ духовныхъ семинарій, если возможно, по спеціально богословскимъ или философскимъ наукамъ въ одной изъ центральныхъ губерній“.

Справка: 1) По §§ 49 и 56 Устава духовныхъ семинарій и § 61 Устава духовныхъ училищъ, помощники инспектора, преподаватели духовныхъ семинарій и учителя духовныхъ училищъ опредѣляются на должности при началѣ учебнаго года Святѣйшимъ Синодомъ по представленію академическихъ Совѣтовъ. 2) По § 81 лит. в п. 2 Устава духовныхъ академій, „предположенія о распределеніи окончившихъ академическій курсъ на учебно-воспитательныя должности въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ“ значатся между дѣлами Совѣта Академіи, представляемыми, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Святѣйшаго Синода. 3) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 29 апрѣля 1884 г. за № 4 предписано Совѣтамъ Академій не позже 15 іюля представлять въ Святѣйшій Синодъ соображенія о распределеніи воспитанниковъ академій на вакантныя мѣста и одновременно съ тѣмъ относительно воспитанниковъ, не получающихъ на первый разъ назначенія на духовно-учебную службу, сообщать свѣдѣнія о томъ, къ какой должности тотъ или другой воспитанникъ признается наиболѣе способнымъ, каковыя свѣдѣнія и будутъ Центральнымъ Управленіемъ принимаемы во вниманіе при послѣдующемъ въ теченіе года замѣщеніи вакансій въ семинаріяхъ и училищахъ, которое будетъ совершаться на прежнемъ основаніи, по непосредственному усмотрѣнію и распоряженію Центрального Управленія. 4) По § 159 Устава духовныхъ академій, примѣч. 2, „свокоштные студенты, въ случаѣ заявленнаго ими желанія поступить на духовно-учебную службу, опредѣляются на оную и на священнослужительскія мѣста на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и казеннокоштные“. 5) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 25 ноября — 7 января 1886—7 года за № 2563 предписано Совѣтамъ академій, чтобы на будущее время они, по распределеніи, съ соблюденіемъ требованій циркулярнаго синодальнаго указа отъ 29 апрѣля 1884 г. за № 4, окончившихъ курсъ академическихъ воспитанниковъ на мѣста по духовно-учебному вѣдомству, прочихъ, не получившихъ назначенія, воспитанниковъ обращали въ епархіи, по принадлежности, съ отсылкою документовъ въ подлежація Консисторіи.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопрео-

священства предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о назначеніи окончившихъ курсъ въ минувшемъ учебномъ году и оставленныхъ при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каѳедръ — Анатолія Спасскаго на преподавательскую должность въ какую либо изъ центральныхъ семинарій по богословскимъ, историческимъ или философскимъ предметамъ и Василія Мышцына на таковую же должность въ одну изъ центральныхъ губерній по богословскимъ или философскимъ наукамъ. 2) По утвержденіи окончившихъ курсъ въ текущемъ году воспитанниковъ Академіи въ степени кандидата и званіи дѣйствительнаго студента, представить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ полные списки съ означеніемъ ихъ успѣховъ и поведенія за четыре года и свѣдѣній о томъ, къ какимъ должностямъ они признаются наиболѣе способными, а въ Канцелярію Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода представить таковыя же списки воспитанниковъ, не получившихъ на первый разъ назначенія по духовно-учебному вѣдомству, согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 29 апрѣля 1884 года за № 4. 3) Воспитанниковъ, не получившихъ на первый разъ назначенія по духовно-учебному вѣдомству, по утвержденіи ихъ въ степени кандидата и званіи дѣйствительнаго студента и приготовленіи для нихъ дипломовъ и аттестатовъ, уволить въ епархіальное вѣдомство и документы ихъ выслать въ подлежащія духовныя Консисторіи по мѣстамъ рожденія означенныхъ воспитанниковъ.

XIV. Отчеты о годичныхъ занятіяхъ оставленныхъ въ прошломъ учебномъ году для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ каѳедръ кандидатовъ:

1) Анатолія Спасскаго:

„Занятія мои въ теченіи минувшаго 189½ учебнаго года относились къ области древней церковной исторіи и опредѣлялись тѣми интересами, какіе стоятъ въ непосредственной связи съ специальной моею работою объ Аполлинаріи Лаодикійскомъ, выдающемся дѣятелѣ и плодовитомъ писателѣ IV вѣка. Историческое значеніе Аполлинарія состоитъ въ томъ, что онъ первый научно и систематически раскрылъ христологію, основываясь на чисто-христіанскихъ началахъ и, ближайшимъ образомъ, опираясь на тринитарные результаты перваго вселенскаго собора. Являясь завершеніемъ всѣхъ предшествовавшихъ догматическихъ опытовъ въ своей области, христологія Аполлинарія въ тоже время дала въ себѣ сильнѣйшій толчекъ къ дальнѣйшему раскрытію и фор-

мулировкѣ ученія о Лицѣ Господа Иисуса Христа, подготовила собой почву для монофизитства *) и не только отрицательнымъ, но и положительнымъ образомъ содѣйствовала той формулировкѣ этого ученія, какую оно получило на Халкидонскомъ, четвертомъ вселенскомъ соборѣ **). Это положеніе системы Аполлинарія въ исторіи христологіи естественно влекло меня къ тому, чтобы, неограничиваясь изученіемъ догматическихъ движеній IV-го вѣка, расширить область своихъ занятій и на предшествовавшіе вѣка, понять христологическія волненія IV-го столѣтія въ связи съ тѣмъ, что было выработано по этому вопросу ранѣе, — короче говоря, обратиться къ изученію состоянія христологіи за первые четыре вѣка церковной исторіи. Отсюда и мои занятія распадалась на три главныхъ группы: 1) на изслѣдованіе жизни и литературной дѣятельности Аполлинарія въ связи съ другими обстоятельствами церковной жизни его эпохи; 2) — изученіе христологическихъ движеній IV-го вѣка, развившихся подъ воздѣйствіемъ ученія Аполлинарія и 3) — обзоръ христологическихъ воззрѣній церковныхъ писателей первыхъ трехъ столѣтій въ ихъ исторической послѣдовательности.

„I. Изслѣдованіемъ жизни и литературной дѣятельности Аполлинарія Лаодикійскаго я занимался, будучи еще студентомъ IV-го курса Академіи, и результаты этихъ занятій были представлены мною въ качествѣ кандидатскаго сочиненія. Вслѣдствіе обширности темы, разнообразія вопросовъ, затрогиваемыхъ ею, и другихъ причинъ я не успѣлъ окончить и обработать его въ желательной мѣрѣ. Такъ какъ въ теченіи всего минувшаго учебнаго года въ Академіи не имѣлось свободной преподавательской катедры, въ виду которой я обязывался бы къ изученію исключительно какой-либо одной опредѣленной отрасли богословской науки, то прежде всего свое время я и отдалъ на окончаніе, пополненіе

*) Аполлинарій первый высказалъ и защищалъ положеніе: „μία φύσις θεού λόγον σβερλωμένη“, — ставшее впоследствии девизомъ монофизитства. Cf. Leont. Byz., De sectis, VIII: Migne, Patr. с. с. gr. S. t. 86. 1, col. 1256.

**) Въ раскрытіи ученія о способѣ соединенія двухъ природъ во Христѣ Аполлинарій уже употреблялъ и отстаивалъ термины: ἀχωρίστος (Vid. ap. Leont. advers. fraud. apollinarist., — Migne, gr. s. t. 86, 2 col. 1961—1964; ap. Theodoret., Dial. II, — oper. t. IV, ed. Sirmondi, Paris, 1642, p. 114) и ἀτρέπτως (ap. Theodor., Dial. I, p. 46; и во многихъ другихъ сочиненіяхъ, написанныхъ именами Григорія Чудотворца, Аванасія и Юлія), вошедшіе въ христологическую формулу IV-го всел. собора.

и улучшение своей монографіи объ Аполлинаріи. Къ этому меня побуждало и то соображеніе, что обработка моей монографіи возможна лишь при тѣхъ книжныхъ сокровищахъ, какими владѣетъ наша академическая бібліотека и которыми я могъ разсчитывать свободно пользоваться только въ теченіи года стипендіатства. Руководясь отзывомъ профессора А. П. Лебедева о моемъ кандидатскомъ сочиненіи, я направилъ свое вниманіе на слѣдующія стороны въ жизни и литературной дѣятельности Аполлинарія:

1) Въ біографическомъ отдѣлѣ сочиненія мною вновь былъ пересмотрѣнъ и обработанъ вопросъ объ отношеніяхъ Аполлинарія къ св. Василию Великому и въ частности о взаимной ихъ перепискѣ, памятниками каковой служатъ два письма св. Василия къ Аполлинарію съ отвѣтами на нихъ со стороны послѣдняго, изданныя Cotelier'омъ (*Ecclesiae graecae monumenta*, Paris, 1681, t. II, pp. 84—92; отсюда перепечатаны у Migne, *Patrol. s. s. gr.*, t. 32, соф. 1099—1108; ерр. CCCLXI—CCCLXIV; въ 1887-мъ году они вновь были изданы нѣмецкимъ ученымъ Дрѣзеке въ журналѣ Бригера „*Zeitschrift für Kirchengeschichte*, VIII, 85—123). Вопреки стараніямъ протестантскихъ ученыхъ доказать ихъ подлинность (Dräseke въ указан. мѣстѣ; Krüger, *Lucifer, Bischof von Calaris*, Leipzig, 1886, s. 42, анн. 3; Harnack, *Lehrbuch. d. Dogmengeschichte*, t. II, s. 255, анн. 3, Freiburg, 1887; Möller in Herzog-Hauck's *Real-Encyclop.*, XVIII, 668), сравненіе ихъ съ несомнѣнно принадлежащими св. Отцу письмами и сочиненіями привело меня къ тому результату, что быть можетъ въ своей основѣ дошедшая до насъ переписка Аполлинарія съ св. Василиемъ и имѣетъ подлинныя письма этихъ лицъ, но письма переработанныя аполлинаристами въ своихъ цѣляхъ, и что поэтому въ настоящемъ своемъ видѣ она не можетъ быть признана подлинною и не оправдываетъ собою тѣхъ выводовъ, какіе построены на основаніи ея. — На ряду съ этимъ, въ намѣреніи пополнить и расширить біографическія свѣдѣнія объ Аполлинаріи, мною были прочитаны ученыя монографіи о тѣхъ выдающихся дѣятеляхъ IV-го вѣка, съ которыми Аполлинарій стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ и такъ или иначе соприкасался, какъ-то о св. Аѳанасіи (Möller, *Athanasius d. Grosse und die Kirche seiner Zeit*, I—III, Büch., Mainz, 1827; Voigt, *Die Lehre d. Athanasius von Alexandrien*, Bremen, 1861; А. В. Горскій, *Жизнь св. Аѳанасія Великаго*, Москва, 1861), Василии Великомъ (Klose, *Basilius der Grosse*, Stralsund, 1835; Fialon, *Étude sur Saint Basile*, Paris, 1869; abb

А. Bagle, St. Basile, Avignon, 1878), Григоріи Богословѣ (Ullmann, Gregorius von Nazianz der Theologe, Gotha, 1866; Böhringer, Die alte Kirche, VIII, Stuttgart, 1876), Григоріи Нисскомѣ (Rupp, Gregor's d. Bischof's von Nyssa, Leben und Meinungen, Leipzig, 1834; Böhringer, *ibid.*), папѣ Дамасѣ (Rade, Damasus, Bischof vom Rom, Freiburg, 1882), Геронимѣ (Zockler, Hieronymus), Люциферѣ (Krüger, Lucifer Bischof von Calaris, Leipzig, 1886) и др. Правда, всѣ эти труды могли дать весьма малое для ближайшихъ цѣлей касательно изученія жизни и дѣятельности Аполлинарія, но всё-же они способствовали расширенію моихъ свѣдѣній и болѣеѣ точности представленій о многосложной эпохѣ IV-го вѣка.

„b) Въ области изученія литературной дѣятельности Аполлинарія мною были окончены и обработаны отдѣлы объ апологетическихъ и поэтическихъ трудахъ этого писателя и критически разсмотрѣны новѣйшія попытки найти памятники этихъ трудовъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ церковной древности, дошедшихъ до насъ съ неподлинными надписями, подъ именами различныхъ церковныхъ писателей. Въ сужденіи объ Аполлинаріи, какъ апологетѣ, важнѣйшее значеніе имѣетъ критическая опѣнка гипотезы Дрэсека о принадлежности этому лицу выдающагося по своимъ достоинствамъ апологетическаго труда древности „Увѣщательнаго слова къ Эллинамъ“ (*Λόγος παρακλητικός πρὸς τοὺς Ἑλλήνας*), дошедшаго до насъ подъ именемъ св. Iустина Философа *) и по выработанности и характерности метода считающагося типичнымъ совершенствомъ въ своемъ родѣ **) (Dräseke in Briege's Zeitschrift zur Kirchengeschichte, VII, 2). Въ изслѣдованіи вопроса о времени написанія и авторѣ этого сочиненія, — несомнѣнно св. Iустину не принадлежащаго, — требовалось розыскать и опредѣлить отношеніе его къ нѣкоторымъ другимъ произведеніямъ языческой и христіанской письменности, какими авторъ „Увѣщанія“ пользовался при составленіи своего сочиненія. Проведенный въ этомъ направленіи анализъ Увѣщанія показалъ, что въ 3-й главѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ сочиненія авторъ его опирался

*) а потому издаваемое всегда вмѣстѣ съ прочими трудами этого отца; лучшее изданіе сдѣлано Oie въ его „Corpus apologetarum saeculi secundi“; я пользовался уже третьимъ изданіемъ этого сборника, Jenae, 1879, vol. III, 2, pp. 18—126. Русскій переводъ см. въ „памятникахъ древне-христіанской письменности“ О. Пресображенскаго, Москва, 1863, т. 4, стр. 43—90.

**) Cf. Neumann in Haruack's Theolog. Literaturzeit., 1883, № 25.

на псевдо-плутархово „*περὶ ἄρεσκόντων φιλοσόφων φυσικῶν δογμάτων*“ (изд. Diels'омъ въ *Doxographi Graeci*, 1879; *vid. proleg.* pp. 17 fg., *cf.* pp. 276. 277. 278. 279. 280. 283. 285. 392.), — въ 9-й главѣ — на хронографическія вычисления Юлія Африкана (*Cohor.*, IX, pp. 42—45 *cf.* Euseb., *Praeparat. Evang.*, *rec.* Gaiford, Oxonii, 1843, t. II, p. 507—513), — въ 11-й главѣ имѣлъ въ виду сочинение Порфирія „*περὶ τῆς ἐκ λόγων φιλοσοφίας*“ (ед. Idolfius, *Porphirii de philosophiae et opaculis haurienda*, Berolini, 1856), — въ 25 главѣ — комментаріи Порфирія и Ямвлиха на „Тимей“ Платона (эти комментаріи не сохранились до нашего времени, но мнѣнія Порфирія и Ямвлиха по разсматриваемымъ Увѣщаніемъ словамъ Платона достаточно ясно указаны въ трудѣ послѣдняго корифея неоплатонической школы — Прокла, — *Procli, Commentarius in Platonis Timaeum*, *rec.* Schneiden, Vratislaviae, 1847) и, наконецъ, зналъ „жизнь Пифагора“ неизвѣстнаго автора, читанную Фотиемъ (*Biblioth.*, *cod.* 249; *ed.* Becheri, p. 438) и составленную около середины IV-го вѣка (*Nicolae, Griechische Literaturgeschichte*, 2Bd., 2 H., 675 s, Magdeburg, 1877). Съ другой стороны еще въ 1883-мъ году Нейманомъ отмѣчено было то близкое соприкосновеніе, въ какомъ стоятъ къ содержанію и идеямъ Увѣщанія книги императора Юліана противъ христіанъ (изд. Neumann'омъ, *Juliani imper. librorum contra Christianos quae supesunt*, Lipsiae, 1880). Сдѣланное мною сравненіе того и другаго произведенія, дѣйствительно открыло много сходныхъ мѣстъ между книгами Юліана и Увѣщаніемъ, но не убѣдило въ томъ, что Юліанъ несомнѣнно направился противъ Увѣщанія (какъ это утверждаетъ Дрэезке); скорѣе и вѣроятнѣе то, что Юліанъ хотѣлъ опровергать Евсевія Кесарійскаго съ его апологетическими идеями, выраженными въ „*Praeparatio Evangelica*“, — котораго (Евсевія) онъ и упоминаетъ по имени въ одномъ мѣстѣ своей первой книги *μοχθηρός Εὐσέβιος*, — Neumann, p. 203; *cf.* *Praep.* IX, 5, 5; XI, 5, 7), — а не автора Увѣщанія. Чтоже касается до авторства Аполлинарія, то отсутствіе указаній на эпоху Юліана и аналогій въ языкѣ и выраженіяхъ *) располагаетъ къ отрицательному результату вопреки мнѣніямъ Дрэезке и Дильса (Послѣднее смотри въ *Sibyllinische Blätter von*

*) Такъ въ увѣщаніи встрѣчается даже такое выраженіе о воплощеніи Слова *ἀναλαβὴν τὸν εἶ φεωλον*, — выраженіе, совершенно чуждое языку Аполлинарія и даже прямо имъ отвергаемое (*Vid. epist. ad Maxim.*, — Golland. *Biblioth.* III, p. 542; *Mansi, Consil. coll.*, IV, 188).

Н. Dials, Berlin, 1890, s. 56). На основаніи указанныхъ данныхъ и близкаго сходства содержанія Увѣщанія съ идеями апологетическаго труда Ермія „осмѣяніе языческихъ философовъ“ появленіе Увѣщанія вѣроятно относится къ концу IV-го вѣка *), не простираясь, однако, далѣе начала V-го вѣка, такъ какъ св. Кирилль Александрійскій въ своемъ трудѣ противъ Юліана весьма часто пользуется Увѣщаніемъ (Coh. С, VI, р. 36 BC, — adv. Julian., ed. Aub., t. IV, р. 48, В. С.; с. VI., р. 38, а,—IV, 48, BC; IX, 44, D—IV, 15, E; X, 50, B,—V, 180; XI, 54, B—IV, 15, E; XV, 60, DE—IV, 26; XV, 62, B—IV, 33; XVIII, 68, A—IV, 32; XIX, 70, C—IV, 30; XX, 72, D—IV, 34, E; XXII, 78, E—IV, 23; XXVIII, 126, B—IV, 31). — Обсужденіе значенія Аполлинарія, какъ поэта, произведено было мною на основаніи извѣстій историковъ Сократа (II, 47) и Созомена (V, 18), замѣчаній св. Нила Синаитскаго (Migne, gr. s., t. 79) и единственнаго оставшагося до нашего времени памятника его музы — гекзаметрическаго переложенія псалтири съ предисловіемъ (*Μεταφράσις εἰς τὸν ψαλτῆρα* — была издаваема очень много разъ; болѣе замѣчательныя изданія — слѣдующія: Turnebus'a, Paris, 1552; Joann. Renenatus'a, Paris, 1580. 1613; Sylburg., 1596; напечат. у Bigne, Biblioth. Patr., Paris, 1624, t. VIII, 160; Galland. Biblioth., 1788, t. V, р. 359 sqq.; Migne, Patrol. с. с., gr. s., t. XXXIII, с. 1313; въ 1880-мъ году Аудангомъ напечатано было новое критическое изданіе метафраза Аполлинарія, но пока остановилось на первыхъ восьми псалмахъ). Въ занятіяхъ этимъ послѣднимъ я старался опредѣлить отношеніе его къ тексту LXX-ти, лежащему въ основаніи переложенія, и главнымъ образомъ изслѣдовать строеніе стиха, — въ виду того, что поэтическія творенія Аполлинарія, имѣвшія широкую популярность (Cf. Sozom. Н. Е., VI, 25), глубоко воздѣйствовали на музу другаго великаго христіанскаго поэта того времени Григорія Богослова (Cf. Gregor. epist. ad Cledon. I et II; Migne, gr. s., t. 37, col. 193. 200; Творенія св. Григорія. ч. IV, стр. 168. 173; изд. 3-е, Москва, 1889), — который въ своихъ стихахъ, — быть можетъ, несознательно, — подражалъ своему противнику (Cf. Ludwig'a in Hermes' Zeitschr. fur class. Philolog., XIII, Berlin, 1878, s. 335 fg. et in Königsberg. Stud.,

---

*) По весьма вѣроятному мнѣнію Menzelius'a, издателя Ермія (Lugd. 1840) и Diels'a (Doxogr. graeci, proleg. с. XIX, pp. 259—263) трудъ Ермія принадлежит V-му или даже VI-му вѣку.

1887, I, 76—82). — Авторству Аполлинарія еще Бароніемъ была приписана извѣстная трагедія „*Χριστὸς πάσχων*“, обыкновенно въ обихъ изданіяхъ помѣщаемая въ число стихотворныхъ произведеній св. Григорія Богослова (много разъ она была издаваема и отдѣльно; мы пользовались изданіемъ Ellisen'a *Analekten d. mittel — und nengriechischen Literatur*, I, Leipzig, 1855 и Brambs'a „*Christus patiens*, Lipsiae, 1885); въ недавнее время эта догадка Баронія на научныхъ основаніяхъ была развита ученымъ Дрэзеке (in *Lipsius' Jahrbücher d. protest. Theolog.*, 1884, 4, 657 tg.). Повѣрка доводовъ Дрэзеке и анализъ строенія ямбическаго стиха, произведенный при пособіи соч. Brambs'a „*De auctoritate tragoediae christianae, quae inscribitur „Χριστὸς πάσχων*“ (Eichstadt, 1883), привели, однако, къ тому заключенію, что этотъ замѣчательный памятникъ христіанской поэзіи, который преданіе сочло достойнымъ усвоить имени св. Григорія Назіанзена, есть произведеніе значительно позднѣйшаго времени. Ни въ какомъ случаѣ онъ не принадлежитъ Аполлинарію и по характеру своихъ стиховъ относится къ эпохѣ XI—XII в.

с) „Вновь былъ обследованъ и обработанъ вопросъ о принадлежности Аполлинарію діалоговъ о св. Троицѣ. Діалоги, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, впервые были изданы Безой подъ именемъ св. Афанасія въ числѣ пяти (*Athanasii dialogi quinque de Sancta Trinitate cum interpretatione latina Th. Bezae*, Lipsiae, 1573), — затѣмъ Комбефизомъ они были включены въ число твореній св. Максима Исповѣдника (*Maximi Confessoris theologi eximiique philosophi operum t. II*, p. 715), и Гарнье, присоединившій къ этимъ пяти діалогамъ еще два другихъ, извлеченныхъ имъ изъ собранія *sermonum Athanasii contra diversas haereses*, считалъ ихъ твореніемъ Θεодорита Киррскаго (*Vid. Auctarium Theodreti, Cyrensis episcopi, sive operum tomus quintus, Lutetiae Parisiorum*, 1684, pp. 273—406). Всѣ эти предположенія не нашли себѣ пріема въ наукѣ, а потому въ прошломъ 1890-мъ году Дрэзеке выступилъ съ новой гипотезой о принадлежности діалоговъ Аполлинарію Лаодикійскому, причемъ имѣлъ въ виду только первые три діалога изъ числа пяти, изданныхъ Безою (in *Helmann's Studien und Kritiken*, 1890. I, ss. 137—171). Оцѣнка основаній, представленныхъ этимъ ученымъ въ пользу своего тезиса, и изученіе діалоговъ въ ихъ отношеніи къ подлиннымъ сочиненіямъ Лаодикійскаго писателя привели меня къ результату, противоположному выводамъ Дрэзеке. Этотъ ученый, работъ котораго мнѣ часто